

ИБИС

**Альманах
№ 35**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Содержание:

Номер файла:

●	1-я страница обложки	01
●	2-я страница обложки	02
●	Эпиграф к журналу	03
●	Сначала прочтите это	04
●	Портрет	05
●	Основные вопросы Бытия через ясновидение — А. Метельский (продолжение)	06
●	"Оккультный мир" (выдержки из книги) — А. Синнет (1881)	07
●	Теософский словарь	08
●	1001 случай криминала: легко усматривается эзотеричность	09
●	Настоящая литература! Анат. Рыбаков, "Прах и пепел" — повесть о временах сталинизма. Глава 19	10
●	"Козёл на саксе": новая книга выдающегося музыканта А. Козлова	11
●	Сатирофантazia Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (продолжение)	12
●	"Альтист Данилов" (глава 32)	13
●	Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука, или Любовь к привидениям" (глава 19)	14
●	Стихотворение — И. Бродский	15
●	Философема	16
●	Цитата номера	17
●	3-я страница обложки	18
●	4-я страница обложки	29

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

**Портрет
главного редактора...**

О некоторых основных вопросах

Проблемы Бытия через ясновидение

(продолжение)

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

Тонкое тело находится на серебристом слое (120 тыс.) и сильно защищено. Оно располагается в перевернутой Т-образной трубе ($\perp$), открытой только вверх. Движение по этой трубе и выход из нее описываются пережившими состояние клинической смерти. Поражается тонкое тело очень редко, но нарушения сильно чувствуются человеком. Это может быть грязь, попавшая в трубу, — и тогда возникает ощущение затрудненности дыхания; редко, но могут туда попасть какие-то комочки или стрелы — это проявляется как ничем не

мотивированная раздражительность, повышенная нервозность, непонятная тревога. Один очень опасный черный маг (воплощение одного из заместителей Сатаны) выкрадывал тонкие тела попадавших в сферу его влияния людей и бросал их в яму с собаками, а людям подсовывал собачьи (спаси, Господи, и избави нас от такого изощренного издевательства!). Состояние этих людей начинало приближаться к животному: апатия, полная потеря каких-либо устремлений... — в общем, не жизнь, а прозябание.¹ А сам черный маг через это вампирил серебряные потоки. Во всех подобных ситуациях надо молиться Иисусу Христу с просьбой о восстановлении этого плана. В простых случаях может помочь промывание трубы (но не самого шарика: мы для него слишком грубы. Не зря же он отделен от окружающей среды.) святой водой, белым и серебряным потоками.

Непосредственно к тонкому телу примыкает еще один важный план сознания — молочно-белый, слегка выгнутый вверх (как вогнуто-выпуклая линза) диск рационального мышления. Это своего рода персональный компьютер тонкого тела, который производит все счетные операции, обеспечивает математические, конструкторско-моделирующие (комбинаторная логика) и организационно-

¹ Но повторю еще и еще раз: надо быть осторожнее в выводах, даже кажущихся бесспорными. Так, например, в данном конкретном случае описываемое похищение вряд ли прошло незамеченным для ангела-хранителя данного человека. А стало быть... — ? (— Ред.)

административные способности, в том числе и в отношении собственной жизни. Люди с сильным диском — прирожденные реализаторы, осуществители замыслов. Это средний, крупно-тактический план. Высшую мудрость, мировоззрение, глобально-стратегические замыслы души обеспечивают икона и пшеница, а он определяет конкретное поведение человека, гарантирует четкость и порядок во всех проявлениях души.

Поражения этого плана вносят суету и беспорядок в жизнь человека, он теряет ощущение перспективы и связи событий и обстоятельств, живет ближайшей минутой, путает всё, теряет вещи, забывает, куда что положил, становится необязательным и т.п. К поражению диска могут добавляться и нарушения памяти, которая, хотя и представляет относительно самостоятельный элемент души с 6-ю отдельными планами, тем не менее тесно связана с работой сознания, а основной ее план находится рядом с диском и зачастую поражается тем же воздействием.

Впервые я обнаружил этот диск в связи с лечением алкоголизма. Оказалось, что этот недуг поражает прежде всего этот план сознания. Каждая выпитая рюмка откладывается черной ядовитой каплей, постепенно разъедающей диск. В начальной форме в нем возникают углубления, заполненные черной жидкостью, а в сильной и запущенной форме они прожигают диск

насквозь. Параллельно идет загрязнение дворца. Таким образом пьянство поражает главные мужские способности души — волю и рациональный ум, обеспечивающие возможность руководить, принимать решения, выполнять свой долг и быть ответственным за себя, за порученное дело, за окружающих. Так что если хотите перестать быть мужчиной — пейте. Восстанавливается же этот план в белом потоке и святой воде, но нужно желание самого пострадавшего избавиться от недуга.

Под диском, начиная с белого слоя и до нижнего оранжевого, располагаются плоские диски практического мышления, похожие на круглые бумажные салфетки. Они обеспечивают выполнение мелких бытовых забот — сходить в магазин, помыть посуду, завязать шнурки и т.п. Ведущую роль тут играет белый пласт: если он цел, то и остальные, как правило, в порядке, ибо они играют по отношению к нему вспомогательную роль. То, что мы знаем как мозг, видится на самых низких частотах (0-7 тыс.) и не является отдельным планом сознания: это проекция на уровень физического тела всех остальных планов сознания. Отсюда становится понятной описанная в медицине прошлого века (кажется, Гуфеландом, да и другими медиками) нормальная жизнь человека, не имевшего мозга (как это оказалось после его посмертного вскрытия), а также факты многочисленных травм мозга, которые, по

понятиям современной медицины, несовместимы с его нормальным функционированием и физическим его существованием вообще.

Нижним же планом сознания человека является змейка — хозяйка организма (не кундалини; об этом ниже). Это тот самый животный, инстинктивный ум, который сохраняется в человеке даже при обмороке, нарушении работы сознания. Именно эта змейка, например, ведет домой совершенно пьяного человека. Но ее роль на уровне целого проявляется только в таких критических ситуациях, а в обычной жизни она обеспечивает жизненными силами тело до частоты 30 тыс., постоянно чистит каналы, органы чувств на частоте 10-20 тыс. Центр змейки располагается на красном слое, но она имеет проекцию на все остальные слои нижней радуги, поэтому не очень опытные ясновидящие могут видеть ее разного цвета и спорить между собой. Через «салфетки» змейка общается с тонким телом. Она знает всю тяжесть и ответственность порученной ей работы по уходу за самыми грубыми слоями души и даже немного гордится этим. Когда я стал спрашивать ее про ее функции, то первое, что она сказала, зная о моих сомнениях по поводу ее происхождения после грехопадения: «Господь выбрал именно меня из всей остальной твари, потому что Он знает, что я не подведу». Главный канал получения информации у змейки — яснообоняние, она

постоянно обнюхивает всё окружающее — людей, предметы, помещения. У нее хорошее чутье на опасность, и она часто уводит нас от неприятностей бытового плана, и тут, по сути, проходит один из уровней интуитивного канала.

Змейки разных людей отличаются по размеру и имеют разные манеры поведения, которые во многом отражаются в бытовых манерах человека. Характер змейки во многом определяется первыми жизнями души и сильно зависит от того окружения, в котором душа находилась. Сила же змейки нарастает с каждым преодолённым личностью препятствием, и тут я согласен с высказыванием Агни Йоги: «Благословенны препятствия, ибо ими растём». Жаль только, что, как я уже сказал выше, Агни Йога не расшифровывает механизмов, а только указывает на долженствующее. В психологическом отношении по змейке идет качество, которое в народе определяют как «двуужильный». Я это обнаружил случайно, у пациента, одной из причин заболеваний которого было сильное поражение змейки. Когда я ее восстановил, то она оказалась общительной, и от радости, что снова цела, вдруг стала выскакивать над головой своего хозяина, нырять вперед, возвращаясь по кольцу в основание позвоночника, где находится в спокойном состоянии, и при этом приговаривала: «Вот как я могу! Я еще могу! И еще могу!» Я очень удивился, так как читал в восточной литературе, что йоги долгими

страданиями и с трудом поднимают эту змейку вверх до головы, а тут она чуть не летает в небе. Стал выяснять, что это значит, и понял, что по змейке проходит способность мобилизовываться, упорство в достижении цели. У этого моего пациента змейка делала 11 оборотов, тогда как у большинства людей — не более двух-трёх (почему и принято традиционно считать, что она имеет два с половиной оборота), а у сильно больных — иногда и не более одного. Самое же большое число оборотов змейки, которое я наблюдал, равнялось 15.

В связи с этой способностью змейки к большому количеству оборотов я неожиданно вышел на мощную социальную структуру, лишаящую ее подвижности. У одного пациента мне встретился случай сильного вампиризма по оранжевому потоку со стороны отца. В разговоре выяснилось, что отец — преподаватель философии, убежденный и даже воинствующий атеист. Споры с сыном о вере и послужили толчком к возникновению вампиризма. В таких случаях искать источник бессмысленно, он всё равно восстановится при постоянном общении, и поэтому я стал искать, куда уходит оранжевый поток от отца и нельзя ли его избавить от этого недуга. Оказалось, что у него совершенно обездвижена змейка, за ней — огромная яма, куда и откачивается оранжевый поток. Своими силами закрыть эту яму я не смог, и заказал для пациента молебен о

здравии и сорокоуст. Когда яма закрылась, я стал отмывать змейку отца от какого-то противного клея. И змейка его оказалась очень сильной, и когда она освободилась от клея, то стала сокрушаться: «Ты посмотри, что у него со всеми остальными планами сознания — он же до самой пшеницы заклеен! Какого человека скрутили!» Я стал спрашивать, кто и зачем скрутил, и оказалось: дело было в атеистической идеологии. Каждая прочитанная им книга (а он их прочитал, наверное, сотни) заливала ему сознание мутной клейкой жидкостью, которая со временем засыхает и связывает мыслительные способности человека. Вот вам и объяснение вреда атеизма. И эта жидкость заливала папашу сначала от основания позвоночника, от змейки, и затем «всё выше, и выше, и выше»...

Сообщаю для всех: смывать этот клей надо (мысленно, конечно) в святой воде, взяв ее из ближайшей церкви.

И последний в данном разделе (о строении души) вопрос — для имеющих ясновидение: как отличить змейку от тех сатанинских змеиных образов, которые есть у отрицательных душ? Во-первых, эта змейка является внутренним элементом души и заметна лишь при соответствующем настрое, а те змеи видны вместо целостного образа человека. Но подмены бывают и со змейкой. Змея кундалини, о которой говорит йога, и есть сатанинская

замена змейки, данной нам от Господа. Заставить нашу нативную змейку служить нижним силам не удаётся, поэтому слуги Сатаны ее выдирают, а на ее место прививают зародыш сатанинской — по методу прививки саженцев растения. Вот почему кундалини и необходимо долго развивать... При этом меняется структура жизнеобеспечения организма (он переходит на сатанинскую энергетику), а также, постепенно, меняется и структура сознания: выворачиваются наизнанку последующие его планы, перестраивается волевой центр, перекрываются высшие планы сердца, взращиваются гордыня, самолюбование, высокомерие к обычным, не практикующим йогу людям, жестокосердие. Отличить нашу нативную змейку от подставной можно и по знаку ее принадлежности: на нативной змейке имеется знак религиозного потока — крестик на ее «шее» для христианского потока или знак ислама (полумесяц со звездой) на ее лбу для мусульманского потока или шестиконечная звезда (в разных местах) для иудаистского потока. Но повторяю, что знак этот соответствует духовному покровительству, а не формальной принадлежности — как и в случае с иконой. У сатанинских же змей — знак свастики на их лбу. Кстати сказать, на эмблеме современного нам Теософского общества России изображена именно такая змейка.

(продолжение предполагается)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

Имея дело с такой колоссальной проблемой, когда на карту поставлена достоверность фундаментальных положений современной физической науки, мы вправе опираться лишь на научные методы исследования. Какие бы эксперименты мы ни проводили, я неизменно старался исключить не только вероятность, но и возможность мошенничества; я также не позволил себе включить в общий итог своих заключений результаты тех экспериментов, при проведении которых не мог обеспечить надлежащих условий. Но мне представляется, что будет правильно предпринять робкую попытку загладить позорную обиду, нанесенную благородной и исключительно достойной женщине (если можно назвать просто обидой явное оскорбление и клевету). С этой целью я хочу отметить, что мы с моей супругой пришли к полной уверенности в том, что мадам

Блаватская - дама абсолютно честная и порядочная по натуре, которая пожертвовала не только положением в обществе и богатством, но и всяким стремлением к личному благосостоянию и любым формам комфорта. Она отреклась от этих благ сначала из-за страстного увлечения оккультными занятиями, а затем - ради той особой задачи, которую она возложила на себя в качестве посвященного, хотя и скромного члена великого оккультного братства, а именно - задачи руководства Теософическим Обществом.

Во время первого визита мадам Блаватской в наш дом мы имели возможность наблюдать, помимо постукиваний, еще один феномен. На несколько дней мы отправились с нашей гостьей в Бенарес, где поселились в доме, предоставленном нам махараджей Визьянаграма. Он представлял собою просторное, скудно обставленное и некомфортабельное по европейским меркам жилище. Как-то вечером, после ужина, мы сидели в центральной зале. Вдруг прямо между нами упали три или четыре цветка; это оказались срезанные розы. Именно таким образом подобные предметы иногда падают в темноте, царящей на спиритических сеансах. Но в данном случае в комнате горело несколько ламп и свечей. Потолок залы был сделан из цельных простых крашеных досок и балок, которые поддерживали плоскую цементную

крышу здания. Феномен был столь неожиданным (насколько я понимаю, не менее неожиданным, чем для всех нас, он оказался и для мадам Блаватской, которая читала, сидя в кресле), что произвел на наши умы несколько меньший эффект, нежели это было бы в противном случае. Если бы за несколько секунд до этого феномена кто-нибудь объявил: "А теперь с потолка упадет несколько цветков", чтобы мы успели посмотреть вверх и увидеть, как цветы внезапно появляются прямо из воздуха у нас над головами, то такой из ряда вон выходящий случай произвел бы самое сильное впечатление. Но даже и в той форме, в какой осуществился этот феномен, он навсегда стал для его очевидцев одним из этапов на пути к тому, чтобы уверовать в реальность оккультных сил. Нельзя ожидать от людей, просто услышавших рассказ об этом явлении, что они сколько-нибудь серьезно поверят в него. Они, естественно, начнут задавать различные вопросы об устройстве комнаты, о том, кто жил в этом доме и так далее. И даже если дать на эти вопросы правдивые ответы, исключаящие любые гипотезы о том, что дождь из цветов мог оказаться каким-то мошенническим трюком, в глубине души у вопрошающего останутся вызывающие какую-то неловкость подозрения насчет того, действительно ли полными были полученные объяснения. Наверное, вряд ли вообще стоило бы перегружать повествование упоминанием об

этом эпизоде, если бы это не давало мне повода отметить, что феномены, происходящие в присутствии мадам Блаватской, не обязательно бывают вызваны ею самой.

Сейчас, когда я перехожу к подробностям, связанным с более значительными тайнами оккультизма, я удручен тем, как труден переход к изложению сведений, которые, насколько мне известно, носят строго фактический характер, являясь фактами столь же безусловными, как, например, вокзал Черинг-Кросс. И все-таки я буду подводить к ним постепенно, чтобы не шокировать людей, которым абсолютно непривычен любой подход к физическим феноменам, кроме скольжения по проторенной интеллектуальной колее. Тем не менее верно, что "Брат" (как иногда фамильярно называют адептов оккультизма), который, возможно, поддавшись порыву, решил преподнести нам на вечеринке в Бенаресе описанный мною сюрприз, - этот "Брат" вполне мог находиться в Тибете, в Южной Индии или в любой другой точке земного шара и при этом осыпать нас розами с таким же успехом, как если бы он находился в одной комнате с нами. Я уже говорил, что адепт способен присутствовать "мысленно" (как сказали бы мы), или "в астральном теле" (как выразился бы оккультист) в любом отдаленном месте, переносясь туда по собственной воле в мгновение ока. Присутствуя там подобным образом, он может проявить в этом отдаленном

месте некоторые психические силы, которыми он обладает, причем с тою же полнотой, как и находясь в физическом теле там, где он действительно пребывает (в нашем понимании этих слов). Я не претендую на то, чтобы объяснить, каким образом адепт достигает того или иного результата, и не намекаю на то, что знаю это. Я лишь отмечаю тот достоверный факт, что в моем присутствии осуществлялись результаты различных оккультных действий, и объясняю читателям только то, что сумел выяснить сам. Но, так или иначе, мне давно стало ясно: где бы ни находилась мадам Блаватская и где бы ни находились Братья, последние могут вызвать там, где пребывает эта женщина, самые потрясающие феномены и действительно постоянно вызывают их, причем в осуществлении этих явлений госпожа Блаватская принимает либо очень мало участия, либо вообще никакого. В отношении любого феномена, происходящего в ее присутствии, необходимо помнить, что никогда нельзя сказать наверняка, в какой степени были задействованы ее собственные силы, в какой степени ей могли "помочь" извне и оказала ли она вообще какое-либо влияние на полученный результат. Точные объяснения в вопросах такого рода прямо противоречат правилам оккультизма, который, как нам неизменно следует помнить, отнюдь не пытается убедить мир в своем существовании. Это я пытаюсь

своею книгою убедить мир в существовании оккультизма, а это уже совсем другое дело.

Всякий, кто хочет знать, какова на самом деле истина, должен стать на точку зрения, подобающую искателю истины. Он - не судья, которого оккультизм умоляет проявить доверие. Поэтому оспаривать сделанные нами наблюдения на том основании, что кто-либо хотел бы сделать наблюдения иного рода, нежели удалось нам, бесполезно. Вопрос заключается лишь в том, содержат ли наши наблюдения данные, на основе которых можно делать надежные выводы.

Следует рассмотреть еще одно соображение насчет характера тех наблюдений, которые я имел возможность делать до сих пор. Можно сказать, что это соображение относится вообще к любому поиску доказательств существования оккультной силы, производящей физические феномены, которые являлись бы чудесами, происходи они без ее участия. Я предчувствую, что многие люди станут утверждать (как ни глупо звучит это возражение), будто эксперименты, с которыми я имел дело, становятся менее убедительными по той причине, что им присуще определенное поверхностное сходство с трюками иллюзиониста. Конечно, причина этого кроется в том, что все иллюзионисты стремятся придать своим фокусам определенное поверхностное сходство с оккультными феноменами. Пусть каждый читатель, как бы он ни относился к

этому вопросу в действительности, на минуту вообразит, что он счел разумным допущение о существовании некоего оккультного братства, которое владеет удивительной властью над силами Природы, - властью, неведомой остальному человечеству; что в этом братстве действуют правила, препятствующие проявлению необыкновенных способностей, но не налагающие на подобное проявление абсолютного запрета. Затем пусть читатель представит себе, что он предложил произвести ряд тестов, относительно мелких, но убедительных в научном плане; что он попросил провести эти тесты в доказательство существования упомянутых способностей или, по крайней мере, некоторых из них, и при этом вдруг выяснилось, что нельзя найти ни одного теста, который не отличался бы известным поверхностным сходством с трюком иллюзиониста. Но ведь отсюда совсем не следует, что в силу этого ценность данного теста должна непременно снизиться в глазах людей, которым доступны не только поверхностные, но и существенные характеристики эксперимента.

В действительности разница между любым из тех оккультных феноменов, к описанию которых я вскоре перейду, и трюком фокусника, имитирующим этот феномен, просто колоссальна, и обусловлена она тем, что обе эти вещи протекают в совершенно различных условиях. Иллюзионист выступает на своей

собственной сцене или в специально подготовленной комнате. Самые замечательные феномены, которые я наблюдал в присутствии мадам Блаватской, происходили на открытом воздухе, в местах, выбранных наугад, в лесу или на холмах. Иллюзионисту помогают из-за кулис ассистенты; их столько, сколько нужно фокуснику. Когда мадам Блаватская приехала в Симлу, она никого там не знала; в течение всего визита она гостила в моем доме, находясь под моим личным наблюдением. Иллюзионисту платят за то, что ему удалось так или иначе обмануть наши чувства. Мадам Блаватская, как я уже объяснял, женщина с честным и порядочным характером, которая всегда с готовностью помогала своим друзьям (если они искренне хотели стать свидетелями феноменов) увидеть некоторые проявления тех способностей, ради обретения которых она (не помышляя о деньгах, в противоположность иллюзионистам) пожертвовала всем, чем мир обычно дорожит: общественным положением и прочими благами, которые были неизмеримо выше того, о чем может мечтать любой иллюзионист или мошенник. Упуская все это из виду, противники оккультной теории постоянно забывают об элементарных доводах здравого смысла, преследуя мадам Блаватскую оскорбительными подозрениями.

В первых числах сентября 1880 года мадам Блаватская приехала в Симлу, чтобы погостить у нас. В течение последующих полутора

месяцев имели место различные феномены, которые стали тогда же предметом толков среди всех англичан, проживающих в Индии, и вызвали какое-то взволнованное, раздраженное отношение со стороны тех, кто горячо поддерживал предположение, будто эти явления - сплошной обман. Вскоре нам стало очевидно: независимо от того, что лежало в основе ограничений, которые связывали нашу гостью прошлой зимою в Аллахабаде, позволяя ей демонстрировать лишь самую незначительную часть своих способностей, теперь эти ограничения стали менее строгими, чем прежде. Через некоторое время мы познакомились с феноменом, с которым ранее не сталкивались. Видоизменяя действие силы, при помощи которой она вызывает звук постукивания по разным предметам, мадам Блаватская может производить в воздухе серебристый звон колокольчика, не нуждаясь для этого вообще ни в каком твердом объекте. Порою это бывает перезвон или небольшая рулада трех или четырех колокольчиков, вызывающих разные ноты. Нам часто рассказывали об этих колокольчиках, но нам еще никогда не доводилось их слышать. Первый раз мы услышали эти звуки однажды вечером, после ужина, когда еще сидели за столом. Звон колокольчика раздавался в воздухе над нашими головами несколько раз подряд, а в одном случае вместо звучания

одного-единственного колокольчика комнату огласили те самые перезвоны, о которых я говорил. Впоследствии я слышал подобные звуки в самых разных местах - и на открытом воздухе, и в тех домах, в которые время от времени заглядывала мадам Блаватская.

Как и в случае с постукиваниями, приверженцы гипотезы о сознательном мошенничестве не смогли выдвинуть никакого объяснения звону колокольчика, которое не рухнуло бы после сравнения конкретных случаев и условий, при которых я слышал эти звуки. В действительности же теория о мошенничестве по отношению к колокольчикам опирается лишь на одно ограниченное предположение. Звук постукивания можно произвести множеством различных способов; следовательно, чтобы убедиться, что постукивание не было произведено обычными средствами, человек вправе попросить провести этот опыт много раз в варьирующихся условиях. Зато способы вызвать звон колокольчика в физическом плане весьма немногочисленны. Для этого вам понадобится либо колокольчик, либо подобный ему звенящий предмет. Но если вы сидите в хорошо освещенной комнате, внимательно наблюдая за происходящим, и перезвон раздается у вас над головою, где физически нет никакого колокольчика, который мог бы его производить, - какими предположениями можно тогда обосновать версию о мошенничестве? Может быть, звук доносится вообще не из этой

комнаты, а из соседней, где их издает какой-нибудь ассистент или аппарат? Прежде всего, отметим, что ни один разумный человек, слышавший эти звуки, не станет выдвигать такого предположения, потому что сам их характер несовместим с подобной идеей.

Они никогда не звучат громко (по крайней мере, я такого не слышал), но всегда бывают чистыми и на редкость отчетливыми. Если вы легонько ударите ножом по краю тонкого бокала для вина, получится звук такого рода, что вряд ли кто-нибудь поверит, что он донесся из соседней комнаты. Именно на звон бокала и похож таинственный звон колокольчика, только последний еще яснее и чище, без всякого дребезжащего призвука. Независимо от этого, мне, как я уже говорил, доводилось слышать такой звон и на открытом воздухе; он доносился в вечерней тишине прямо с неба. В комнатах он не всегда слышался над головой; иногда он возникал снизу, у самых ног собравшихся слушателей.

Однажды в доме одного из друзей, когда этот звон два-три раза раздался в гостиной, где мы обедали, один из присутствующих джентльменов поднялся и пошел в столовую, находившуюся за две комнаты от гостиной, чтобы взять небольшую чашку для ополаскивания пальцев и при помощи нее воспроизвести звук невидимого колокольчика (это обычная форма эксперимента). Находясь в

столовой, где больше никого не было, этот джентльмен услышал, как рядом звенит колокольчик, хотя мадам Блаватская оставалась в гостиной. Этот пример убедительно опровергает теорию о том, что мадам Блаватская носила с собою какой-то аппарат, производящий звуки, - теорию, которая представляется совершенно абсурдной людям, часто слышавшим таинственный звон в самых разнообразных местах. Что же касается предположения об участии сообщников, то его опровергает тот факт, что я неоднократно слышал звон колокольчиков на улице, следуя рядом с джампаном мадам Блаватской, когда возле нас не было никого, кроме носильщиков.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

ДРЕВА ЖИЗНИ С самой далекой древности деревья были связаны с богами и с мистическими силами в природе. Каждый народ имел свое священное дерево, с его особенностями и свойствами, основанными на природных, а также иногда и на оккультных качествах, как изложено в эзотерических учениях. Так, Ашваттха, или священное дерево Индии, обиталище Питри (по существу, элементаров) низшего класса, стало деревом Бо, или *figus religiosa*, буддистов во всем мире, так как Готама Будда достиг высшего знания и Нирваны именно под этим деревом. Ясень, Иггдрасил, служит мировым деревом у скандинавов. Баньян - символ духа и материи, нисходящий на землю, пускающий корни, и потом вновь устремляющийся к небу. Паласа, с тройными листьями, есть символ тройственной сущности во Вселенной - Духа, Души, Материи. Черный кипарис был мировым деревом Мексики, а теперь у христиан и магометан является символом смерти, мира и спокойствия. Пихта считалась священной в Египте, и ее шишки несли в религиозных процессиях, хотя теперь она почти исчезла из страны мумий; священными были также сикамор, тамариск, пальма и виноградная лоза. Сикамор был Древом Жизни в Египте, и также в Ассирии. Он был посвящен Хатор в Гелиополе; теперь же, на том же самом месте, он посвящен Деве Марии. Сок его был драгоценным благодаря качеству его оккультных сил, также как Сомы у браминов, и Хаома у парсов. "Плод и сок Древа Жизни даруют бессмертие." Об этих священных деревьях древности, некоторые из которых почитаются по сей день, можно было бы написать большой том, и все же этот вопрос не был бы исчерпан.

ТРИЛИСТНИК Подобно трилистнику - эмблеме Ирландии - он имеет символическое значение "тайны трех-в-одном", как называет его один писатель. Он венчал голову Озириса, и венок этот упал, когда Тифон убил сияющего бога. Некоторые видят в нем фаллическое значение, но в Оккультизме мы отвергаем такую идею. Это было растение Духа, Души и Жизни.

ТРЕТА ЮГА (Санскр.) Вторая эпоха мира, период в 1 296 000 лет.

ТРИАДА или Трое. Десять Сефиротов при созерцании представляются в иде группы из трех триад: Кэтер, Хокма и Бина образуют небесную триаду; Хезед, Гебура и Тиферет - вторую; Нецах, Ход и Иесод - низшую триаду. Десятая Сефира, Малкут, стоит позади этих трех триад.

Вышеизложенное - это ортодоксальная Западная Каббала. Восточные оккультисты признают лишь одну триаду - верхнюю (соответствующую Атма-Буддхи и "Оболочке", которая отражает их свет, - три в одном) - и учитывают семь низших Сефиротов, каждый из которых

является представителем одного "принципа", начиная с Высшего Манаса и кончая Физическим Телом - причем Малкут является представителем последнего в Микрокосме, а Земля - в Макрокосме.

ТРИ-БХУВАНА или Три-лока (Санскр.) Три мира - Сварга, Бхуми, Патала - или Небо, Земля или Ад в народных верованиях; эзотерически они суть Духовная и Психическая (или Астральная) сферы, и Земная сфера.

ТРИДАНДИ (Санскр.) Название это обычно дается классу или секте санньяси, которые постоянно держат в руке нечто вроде посоха (данда), разветвляющегося вверху на три прутика. Этимология этого слова разнообразна, и некоторые называют так тройную нить брамина.

ТРИ-ДАША (Санскр.) Трижды десять или "тридцать". Это округленно численность индийского Пантеона - тридцать три кроры божеств - двенадцать Адитьев, восемь Васу, одиннадцать Рудр и два Ашвина, или тридцать три коти, или 330 миллионов богов.

ТРИГУНЫ (Санскр.) Три раздела врожденных качеств дифференцированной материи - т.е. полного покоя (сатва), деятельности и желания (раджас), застоя и гниения (тамас). Они соответствуют Вишну, Бrame и Шиве. (См. "Тримурти".)

ТРИДЖНАНА (Санскр.) Букв., "тройное знание". Оно состоит из трех ступеней: (1) вера, основываясь на вере; (2) вера, основываясь на теоретическом знании; и (3) вера на основе личного и практического знания.

ТРИКАЯ (Санскр.) Букв., три тела или формы. Это исключительно сложное учение, которое, все же, когда понято, объясняет тайну всякой триады или троицы, и служит подлинным ключом к каждому троякому метафизическому символу. В самой простой и понятной форме это можно найти в человеческом Существо в его тройном делении на дух, душу и тело, и во вселенной, рассматриваемой пантеистически, как единство, составленное из Божественного, чисто духовного Принципа, Божественных Существ - его непосредственных лучей, и Человечества. Начало этого можно найти в учениях доисторической Религии Мудрости, или Эзотерической Философии. Величественный Пантеистический идеал, который из неизвестной и непознаваемой Сущности превращается сначала в субъективную, затем в объективную материю, находятся в основе всех этих триад и троиц. Так, в философском Северном Буддизме мы находим: (1) Ади-Будду (или Предвечный Вселенский Разум); (2)

Дхиани-Будд (или Бодхисаттв); (3) Мануши (Человеческих) Будд. У европейцев мы находим то же самое: Бога, Ангелов и Человечество, теологически символизированное Богом-Человеком. Тримурти Брахманизма, а также и тройное тело Шивы в Шиваизме - оба рассматривались на той же основе, если даже и не полностью совпадали с Эзотерическими учениями. Поэтому, нечего удивляться, если оказывается, что эта концепция о тройном теле - или одеяниях Нирманакая, Самбхогакая и Дхармакая, самая величественная доктрина Эзотерической Философии - принята в более или менее извращенном виде почти каждой религиозной сектой, и совершенно неправильно истолкована востоковедами. Так, в своем общем смысле, тройное тело символизирует статую Будды, его учения и его ступы; в жреческих концепциях это относится к буддийскому обету веры, называемому Триратна, что есть формула "прибегаю к Будде, Дхарме и Сангхе". Народное воображение наделяет Будду вездесущностью, ставя его, тем самым, на одну полку с антропоморфическим богом, и понижая его до уровня родового божества; и, вследствие этого, впадает в явные противоречия, как в Тибете и Китае. Так, экзотерическая доктрина, похоже, учит, что, находясь в своем теле Нирманакая (которое прошло через 100 000 коти преображений на земле), он, Будда, в то же время есть Лочана (небесный Дхиани-Бодхисаттва), в своем Самбхогакая "одеянии абсолютного совершенства", и в Дхиане, или состоянии, которое должно отрезать его от мира и всего связанного с ним; и, наконец, и в заключении, он, будучи Нирманакая и Самбхогакая, кроме того еще и Дхармакая "абсолютной чистоты", Вайрочана или Дхиани-Будда в полной Нирване! (См. Эйтель, "Sanskrit-Chinese Dictionary".) Это - мешанина непримиримых противоречий, которая миссионерами и некоторыми востоковедами выдается за философские догмы Северного Буддизма. И если это не уменьшенное искажение философии, внушающей страх этим сторонникам религии, основанной на неразрешимых противоречиях и охраняемых "тайнах", то тогда это плод невежества. Так как Траилокья, Трикая и Триратна суть три аспекта одних и тех же концепций, и должны быть, так сказать, слиты в одном, то этот вопрос долгие объясняется под каждым из этих терминов. (См. в этом отношении также термин "Тришарана".)

ТРИ-КУТА (Санскр.) Букв., "три вершины". Гора, на которой была выстроена Ланка (современный Цейлон) и ее столица. Аллегорически говорится, что это горная цепь, идущая на юг от Меру. И нет сомнения, что так и было, до того как Ланка ушла под воду, оставив теперь над водой лишь самые высокие вершины этой цепи. Подводная топография и геологические формации должны были основательно измениться со времени Миоценского периода. Существует легенда, что Вайю, бог ветра, снес вершину Меру и бросил ее в море, где она с тех пор стала Ланкой.

ТРИЛОЧАНА (Санскр.) Букв., "трехокий", эпитет Шивы. Рассказывают, что однажды, в то время когда на Гималайской вершине этот бог предавался суровому аскетизму, его жена любовно положила руку на его третий глаз, который вспыхнул изо лба Шивы большим пламенем. Это тот глаз, которым был испепелен Кама, бог любви (в аспекте Мары, искушителя), за то, что пытался внушить Шиве во время его благочестивых медитаций, мысли о его жене.

ТРИМУРТИ (Санскр.) Букв., "три лика", или "тройная форма" - Троица. В современном Пантеоне эти три суть Брами, создатель; Вишну, хранитель; и Шива, разрушитель. Но это более поздняя мысль, так как в "Ведах" ни Брами, ни Шива неизвестны, и ведийская Троица состоит из Агни, Вайю и Сурьи; или, как объяснено в "Нирукте", из земного огня, атмосферного (или воздушного), и небесного огня, так как Агни есть бог огня, Вайю - воздуха, а Сурья есть солнце. Как сказано в "Падма Пуране": "В начале великий Вишну, пожелав сотворить весь мир, стал тройным создателем, хранителем и разрушителем. Чтобы построить этот мир, Всевышний Дух эманировал из правого бока своего тела сам себя как Бриму; затем, чтобы сохранить вселенную, он из левого бока своего тела создал Вишну; и чтобы разрушить мир, он из середины своего тела сотворил вечного Шиву. Одни поклоняются Брими, другие - Вишну, третьи - Шиве; но Вишну, единый и все же тройственный, создает, хранит и разрушает, потому пусть благочестивые не делают разницы между этими тремя". По существу, все эти три "личности" Тримурти, являются просто тремя характерными гунами или атрибутами этой вселенной дифференцированного Духа-Материи, само-создающейся, само-хранящейся и само-разрушающейся, с целью возрождения и усовершенствования. Это есть правильное значение; и это являет Брами как олицетворение Раджогуны, атрибута или свойства активности, желания породить потомство, того желания, благодаря которому вся вселенная и все в ней вызвано к жизни. Вишну есть олицетворение Саттва-гуны, того качества сохранения, возникающего из спокойствия и мирного покоя наслаждения, которое характеризует промежуточный период между полной зрелостью и началом упадка; тогда как Шива - олицетворение Тамогуны - что есть качество застоя и конечного разложения - конечно, становится разрушителем. Это является настолько же высоко философским под своей маской антропоморфизма, насколько нефилософично и абсурдно держаться за мертвую букву первоначальной концепции и навязывать ее миру.

ТРОИЦА Каждый знает христианскую догму "три в одном" и "один в трех"; поэтому бессмысленно повторять то, что можно найти в каждом катехизисе. Афанасию, Отцу Церкви, который определил Троицу в качестве догмы, незачем было призывать вдохновение и собственную силу мозга; ему надо было лишь обратиться к одной из бесчисленных троиц языческих верований, или к египетским жрецам,

в стране которых он провел всю свою жизнь. Он слегка изменил лишь одну из трех "личностей". Все триады неевреев были составлены из Отца, Матери и Сына. Превратив это в "Отца, Сына и Святого Духа", он изменил эту догму лишь внешне, так как Святой Дух всегда был женского рода, и Иисус явлен обращающимся к Святому Духу, как к своей "матери", в любом гностическом Евангелии.

ТРИПАДА (Санскр.) "Трехногий", лихорадка, персонифицированная как имеющая три ноги или стадии развития - холод, жар и пот.

ТРИПИТАКА (Санскр.) Букв., "три корзины", название буддийского канона. Состоит из трех частей: (1) учение; (2) предписания и законы для жречества и аскетов; (3) философские трактаты и метафизика: то есть, Абхидхарма - по определению Буддагхоши, тот закон (дхарма), который выходит за пределы (абхи) закона. Абхидхарма содержит самые глубокие метафизические и философские учения, и есть тот кладезь, из которого Школы Махаяны и Хинаяны черпали свои фундаментальные доктрины. Существует и четвертая часть - "Самьякта Питака". Но так как она - более позднее добавление китайских буддистов, то не принимается Южной Церковью Сиам и Цейлона.

ТРИРАТНА или Ратнатрайа (Санскр.) Три Сокровища, специальное выражение для общеизвестной формулы "Будда, Дхарма и Сангха" (или Самгха); последние два, в современном толковании, означают "религиозный закон" (Дхарма) и "жречество" (Сангха). Эзотерическая Философия, однако, сочла бы это очень вольным разъяснением. Слова "Будда, Дхарма и Сангха" должна произноситься как в дни Готамы, Владыки Будды, а именно: "Бодхи, Дхарма и Сангха"; и истолковываться как "Мудрость, ее законы и жрецы", последние в смысле "духовных толкователей", или адептов. Однако, рассматривая Будду как олицетворенного "Бодхи" на земле, истинного аватара Ади-Будды, Дхарму постепенно начали рассматривать как его особый закон, а Сангху - как его особое качество. Несмотря на это, именно профаны более поздних (теперь - современных) учений явили больше природной интуиции, нежели фактические толкователи Дхармы, буддийские жрецы. Люди видят Триратну в трех образах Амитабы, Авалокитешвары и Майтрейи Будды; т.е. в "Беспределельном Свете" или Вселенской Мудрости - безличном принципе, что есть правильное значение Ади-Будды; во "Всевышнем Владыке" Бодхисаттв, или Авалокитешваре; и в Майтрейе Будде, символе земного и человеческого Будды, "Мануши Будды". Таким образом, несмотря на то, что непосвященные действительно называют эти три образа "Буддами Прошлого, Настоящего и Будущего", все же каждый последователь истинно философского Буддизма - названного м-ром Эйтелем "атеистическим" - разъяснил бы термин Триратна правильно. Философ Школы Йогачарья сказал бы - и мог бы сказать -

"Дхарма не есть личность, но необусловленная и непроемкая сущность, сочетающая в себе духовные и материальные принципы вселенной, а из Дхармы эманировал Будда (вернее, "отраженный" Бодхи), как творческая энергия, которая сотворила, вместе с Дхармой, третий элемент троицы, т.е. "Самгху", что есть постижимая сумма всей реальной жизни". Следовательно, Самгха не есть и не может быть то, что под ней теперь понимается, а именно, нынешнее "жречество"; ибо последнее не является суммой всей реальной жизни, но только религиозной. Подлинное первичное значение слова Самгха или "Сангха" относится только к Архатам или Бхикшу, или "посвященным", то есть к истинным представителям Дхармы - божественного закона и мудрости, приходящей к ним как отраженный свет из единого "безграничного света". Таково философское значение. И все же, далеко от того, чтобы удовлетворить ученых Западных рас, это, кажется, их только раздражает; ибо Э.Дж. Эйтель из Гонконга замечает по этому поводу: "Таким образом, догма Триратны, которая произошла из трех основных догматов веры и некогда достигла своего высшего появления в концепции трех ипостасей, троицы в единстве, выродилась в метафизическую теорию эволюции трех абстрактных принципов"! И если уж один из способнейших европейских ученых склонен приносить любой философский идеал в жертву грубому антропоморфизму, то на что же может Буддизм, с его тонкой метафизикой, надеяться в руках невежественных миссионеров?

ТРИШАРАНА (Санскр.) То же, что "Триратна", и принято как Северной, так и Южной Церквями Буддизма. После смерти Будды это было принято соборами в качестве чистого formula fidei, предписывающего "прибегать к Будде", "прибегать к Дхарме", "прибегать к Сангхе", или его Церкви, в том смысле как это теперь толкуется, но не в том, как "Свет Азии" желал бы преподать эту формулу. О Трикае м-р Э.Дж. Эйтель в своей "Handbook of Chinese Buddhism" говорит, что это "деление на три части преподавалось, имея в виду природу всех Будд. Бодхи является характерной чертой Будды" - различие делалось между "сущностным Бодхи" как атрибутом Дхармакая, т.е. "сущностного тела"; "отраженным Бодхи" как атрибутом Самбхогакая; и "практическим Бодхи" как атрибутом Нирманакая. Будда, сочетая в себе эти три состояния существования, якобы, жил в одно и то же время в трех различных сферах. Это показывает насколько ужасно неправильно понято чисто пантеистическое и философское учение. Не останавливаясь на том, чтобы спросить, как одеяние Дхармакая может обладать хоть каким-либо "атрибутом" в Нирване, которая явлена, как в философском Брахманизме, так и в Буддизме, абсолютно лишенной какого бы то ни было атрибута, постижимого для человеческой конечной мысли - будет достаточным указать на следующее: - (1) "Будды Сострадания" предпочитают одеяние Нирманакая одеянию состояния Дхармакая, но именно потому, что последнее прекращает для того, кто достиг его, всякое общение или связь с конечным,

т.е. с человечеством; (2) это не Будда (Готама, смертный человек, или какой-либо другой личностный Будда), кто вездесуще живет в "трех различных сферах, в одно и то же время", но Бодхи, универсальный и абстрактный принцип божественной мудрости, который в философии символизирован Ади-Буддой. Вездесущ именно последний, ибо это всемирная сущность или принцип. Именно Бодхи, или дух состояния Будды, растворившись в своей предвечной однородной сущности и погрузившись в нее, как Брама (вселенная) погружается в Парабрахм, Абсолютность, - подразумевается под названием "сущностный Бодхи". Ибо Нирвани, или Дхиани Будда, должен рассматриваться - прибывая в Арупадхату, бесформенном состоянии, и в Дхармакайе - как сам этот "сущностный Бодхи". В "отраженном Бодхи" в Рупадхату, или мире субъективных "форм", живут Дхиани-Бодхисаттвы, предвечные лучи всемирного Бодхи; а Нирманакаи (множественное число), прекратив свои жизни "практических Бодхи", - в "озаренных" формах, или формах Будд, добровольно остаются в Камадхату (мире желаний), либо в объективных формах на земле, либо в субъективных состояниях в ее сфере (второй Буддакшетре). Это они делают для того, чтобы наблюдать, охранять и помогать человечеству. Таким образом, имеется ввиду не один Будда, также и не отдельный аватар коллективных Дхиани Будд, но, поистине, Ади-Бодхи - первый Логос, предвечный луч которого есть Махабуддхи, Всемирная Душа, Алая, - пламя которого вездесуще и влияние которого в каждой из этих трех форм существования распространяется на свою особую сферу, ибо, еще раз повторим, это есть само Вселенское Бытие, или отражение Абсолюта. Поэтому, если философичным является говорить о Бодхи, который "как Дхиани Будда правит в сфере духовной" (четвертой Буддакшетре, или области Будды); и о Дхиани Бодхисаттвах, "правлящих в третьей Буддакшетре", или сфере мыслеосновы; и даже о Мануши Буддах, которые как Нирманакаи пребывают во второй Буддакшетре, - то относить "идею о единстве в троице" к трем личностям - в высшей степени нефилософично.

ТРИШНА (Санскр.) Четвертая Нидана; духовная любовь.

ТРИШУЛА (Санскр.) Трезубец Шивы.

ТРИСУПАРНА (Санскр.) Определенная часть "Веды", после изучения которой брамин также называется Трисупарна.

ТРИТЕМИЙ Аббат испанских бенедиктинцев, исключительно ученый каббалист и адепт Тайных Наук, друг и наставник Корнелия Агриппы.

ТРИТОН (Греч.) Сын Посейдона и Амфитриты, тело которого от поясницы и выше было человеческим, а внизу - телом дельфина. В эзотерическом толковании Тритон принадлежит к группе символов рыб - таких как Оанн (Дагон), Матсья, или Рыба-аватар, и Pisces, как принято в христианском символизме. Дельфин есть созвездие, которое греки называют Козерогом, и последний является индийским Макарой. Следовательно, он имеет анаграмматическое значение, и его толкование является полностью оккультным и мистическим, и известно лишь продвинутому изучающим Эзотерическую Философию. Достаточно сказать, что оно является столь же физиологическим, сколь духовным и мистическим. (См. "Тайная Доктрина", II, с. 724-729.)

ТРИВИДХА ДВАРА (Санскр.) Букв., "трое врат", которые суть тело, рот и ум; или чистота тела, чистота речи, чистота мысли - три добродетели, необходимые для того, чтобы стать Буддой.

ТРИВИДИА (Санскр.) Букв., "три знания" или "науки". Это - три основные аксиомы в мистицизме: - а) непостоянство всего существования или Анитья; б) страдание или мучение всего, что живет и существует, или Дукха; и в) все физическое, объективное существование столь же мимолетно и нереально, как мыльный пузырь во сне, или Анатма.

ТРИВИКРАМА (Санскр.) Эпитет Вишну, употребляемый в "Риг-Веде" в связи с "тремя шагами Вишну". Первый шаг он сделал на земле, в форме Агни; второй в атмосфере, в форме Вайю, бога воздуха; и третий на небе, в образе Сурьи, солнца.

ТРИЯНА (Санскр.) "Три проводника" через Сансару - океан рождений, смертей и перевоплощений - суть проводники, называемые Шравака, Пратьека Будда и Бодхисаттва, или три степени состояния Йога. Термин Трияна используется также для обозначения трех школ мистицизма - Махаяны, Мадхьямаяны и Хинаяны; из которых первая есть "Большая", вторая - "Средняя" и последняя - "Малая" Колесница. Все другие системы между Большой и Малой Колесницами считаются "бесполезными". Поэтому Пратьека Будда соотнесен с Мадхьямаяной. Ибо, как поясняется, "это (состояние Пратьека Будды) относится к тому, кто живет только для себя и очень мало для других, занимая середину колесницы, заполняя ее всю и не оставляя места для других". Таков эгоистичный кандидат на Нирвану.

ЦАНАГИ-ЦАНАМИ (Яп.) Разновидность творящего бога в Японии.

ЦЗЯНЬ-СИН (Кит.) "Небеса Разума", Вселенская Мыслеоснова и Махат, когда прилагается к плану дифференциации; "Тянь-Син" (см.), когда относится к Абсолюту.

ЦЗЯНЬ-ЧАН (Кит.) Вселенная формы и материи.

ЦЗИ-ЦЗАЙ (Кит.) "Само-Сущий" или "Неведомая Тьма", корень Вулян Шеу, "Беспредельного Века"; все они - каббалистические термины, употреблявшиеся в Китае за века до того, как были приняты еврейскими каббалистами, которые заимствовали их из Халдеи и Египта.

ТУВАЛ КАИН (Евр.) Библейский Кабир, "наставник каждого мастера по меди и железу", Сын Циллы и Ламеха; тождественен греческому Гефесту или Вулкану. Его брат Иубал, сын Ады и единоутробный брат Иабала (первый из них - отец "играющих на гусях и свирели", а другой - отец "имеющих скот"), также являются Кабирами: ибо, согласно Страбону, именно Кабири (или Циклопы в одном смысле) изготовили гусли для Кроноса и трезубец для Посейдона, в то время как некоторые другие их братья были наставниками в земледелии. Тувал Каин (или Тхувал-Каин) есть слово, употребляемое в степени Мастера-Масона в ритуале и церемониях Франкмасонов.

ТУЛИЯ (Лат.) Дочь Цицерона, в гробнице которой, как заявляли некоторые алхимики, был найден постоянно горевший светильник, поставленный там более чем за тысячу лет до этого.

ТУМ или Тоом. "Братья Тум", очень древняя школа Посвящения в Северной Индии во времена преследований буддистов. "Тум Б'хай" стала ныне "Аум Б'хай", и хотя теперь пишется иначе, обе школы слились в одну. Первая состояла из кшатриев, вторая из браминов. Слово "Тум" имеет двоякое значение - тьма (абсолютная тьма), которая как абсолют выше самого высокого и чистого света, и значение, основанное на мистическом приветствии среди Посвященных, "Ты есть ты, ты сам", что является эквивалентом "Ты един с Бесконечным и Всем".

ТУРИЯ (Санскр.) Состояние глубочайшего транса - четвертое состояние Тарака Раджа Йоги, то, которое соответствует Атме, на этой земле - сну без сновидений, - причинное состояние.

ТУРИЯ АВАСТХА (Санскр.) Почти Нирваническое состояние в Самадхи, которое само по себе есть блаженное состояние созерцательной Йоги

за пределами этого плана. Это - состояние высшей Триады, совершенно отличающееся (хотя все еще неотделимо) от состояний Тжаграт (бодрствования), Свапна (сновидения) и Сушупти (сна).

ТУШИТА (Санскр.) Класс богов, обладающих высокой чистотой, в индуистском Пантеоне. В экзотерическом или народном Северном Буддизме это есть Дэва-лока, небесная область на материальном плане, где вновь рождаются все Бодхисаттвы, прежде чем снизойти на эту землю как будущие Будды.

ТИНДАРЕЙ (Греч.) Царь Спарты, по преданию супруг Леды, матери Кастора и Поллукса и Троянской Елены.

ТИФЕЙ (Греч.) Знаменитый великан, имевший сотню голов, подобных головам змей или драконов, и который был предполагаемым отцом Ветров, как Шива был отцом Марутов - также "ветров". Он начал войну против богов, и тождественен египетскому Тифону.

ТИФОН (Егип.) Аспект или тень Озириса. Тифон не является, как утверждает Плутарх, отдельным "Принципом Зла" или Сатаной евреев; но, скорее, низшими космическими "принципами" божественного тела Озириса, бога в них - так что Озирис является персонифицированной Вселенной в виде мыслеосновы, а Тифон - той же самой вселенной в ее материальном проявлении. Эти два в одном суть Вишну-Шива. Истинный смысл этого египетского мифа таков, что Тифон есть земная и материальная оболочка Озириса, который есть пребывающий в ней дух. В гл. 42 "Ритуала" ("Книги Мертвых") Тифон описан как "Сет, прежде называвшийся Тотом". Востоковеды совершенно запутались, обнаружив, что в одних папирусах к Тифону-Сету обращаются как к "великому и доброму богу", а в других - как к воплощению зла. Но разве Шива, один из индуистской Тримурти, не описан в одних местах как "лучший и щедрейший из богов", а в других - как "темный, черный, разрушающий, ужасный" и "свирепый бог"? Разве Локи, скандинавский Тифон, в ранние времена представленный как благотворное существо, бог огня, главенствующий гений мирного семейного очага, вдруг не теряет эти звания и не становится затем силою зла, Сатаной холодного ада и демоном самой худшей породы? Для такого неизменного превращения существует основательная причина. До тех пор, пока эти двойственные боги, символы добра и неизбежного зла, света и тьмы, держатся тесно вместе, т.е. олицетворяют комбинацию дифференцированных человеческих качеств, или элементов, которые они представляют - до тех пор они просто суть воплощение среднего личного бога. Все же как только они разделены на два существа, каждое со своими двумя отличительными чертами, они становятся соответственно двумя противоположными полюсами добра и зла, света

и тьмы; они, короче говоря, становятся двумя независимыми и отдельными существами или, вернее, личностями. Лишь благодаря софистике Церквям удалось по сей день сохранить в умах некоторых еврейское божество в его первоначальной целостности. Если бы они были последовательными, они бы отделили Христа от Иеговы, свет и добро от тьмы и зла. Именно это случилось с Озирисом-Тифоном; но ни один востоковед не понял этого, и, таким образом, их недоумения разрастаются. Если принять Тифона - как это делают оккультисты - за составную часть Озириса, точно так же, как Ахриман неотделим от Ахура Мазды, а Змий Книги Бытия, темный аспект Элохима, сливается с нашим "Господом Богом" - то все трудности в его природе исчезают. Тифон - более позднее имя Сета, позднее, но, поистине, столь же древнее, как четвертая Династия; ибо в "Ритуале" читаем: "О, Тифон-Сет! Я призываю тебя, ужасного, невидимого, всемогущего бога богов, тебя, который разрушает и воздаст по заслугам". Тифон, несомненно, принадлежит к той же категории символов, что и Шива Разрушитель, и Сатурн - "темный бог". В "Книге Мертвых" Сет, в своей битве с Тотом (мудростью) - который есть его духовный двойник - обессиливается так же, как и Сатурн-Кронос и Уран до него. Как Шива тесно связан с быком Нанди - аспектом Брам-Вишну, творящей и сохраняющей сил, так Сет-Тифон связан с быком Апис, и оба быка посвящены и связаны с их соответствующими божествами. Как Тифону первоначально поклонялись как вертикальному камню, фаллосу, так и Шиву по сей день изображают и поклоняются ему в виде лингама. Шива - это Сатурн. Действительно, похоже, что Сет-Тифон послужил прообразом более чем одного бога позднейшего ритуального цикла, включая даже бога евреев, так как некоторые из его ритуальных предписаний целиком перешли в свод законов и в канон религиозных обрядов "избранного народа". Кто из поклоняющихся Библии знает о происхождении козла отпущения (эз или аза), посланного в пустыню в качестве искупления? Знают ли они, что за столетия до исхода Моисея козел был посвящен Тифону, и что над головою этого Тифонова козла египтяне исповедовали свои грехи, после чего это животное посылалось в пустыню? "И Аарон возьмет козла отпущения (Азазеля)... и возложит руки свои на голову живого козла, и исповедует над ним все прегрешения детей Израиля... и отошлет его... в пустыню" ("Левит", XVI). И как козел египтян служил искуплением у Тифона, так и козел Израильян "служил искуплением перед Господом" (Ibid., V, 10). Так, если только вспомнить, что каждый антропоморфический творящий бог был у древних философов "Жизнедателем" и "распределителем Смерти" - Озирис и Тифон, Ахура Мазда и Ахриман, и т.д., и т.д. - то легко будет понять утверждение оккультистов, что Тифон был просто символом низшей четверки, постоянно воюющих и буйных принципов дифференцированной хаотичной материи, как во Вселенной, так и в Человеке, тогда как Озирис символизировал высшую духовную триаду. Тифон в "Ритуале" обвиняется в том, что "крадет рассудок у души". Поэтому он изображен борющимся с Озирисом и разрушающим его на четырнадцать (дважды семь) частей, после чего, оставшийся без уравнивающей

силы добра и света, он остается погруженным во зло и тьму. Таким образом легенда, рассказанная Плутархом, становится понятной как аллегория. Он говорит, что потерпев поражение в битве с Гором, Тифон "убегал в течение семи дней на осле, и, убегая, породил мальчиков Иеросолумоса и Иудэса". Теперь, так как Тифону позднее поклонялись в образе осла, и так как название осла есть АО, или (фонетически) ИАО, гласные, имитирующие крик этого животного, то становится ясным, что Тифон был преднамеренно слит с именем еврейского Бога, как это достаточно ясно показывают два имени - Иудея и Иерусалим - порожденные Тифоном

(продолжение предполагается)

1001 смерть

А.П.Лаврин¹

РОССИЯ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

По части убийц Россия никогда не отставала от своих соседей как на Западе, так и на Востоке. Мне, русскому человеку, горько говорить об этом, но такое положение вещей не значит, что русский народ склонен к антихристианским деяниям. Напротив. Вспомним знаменитый рассказ писателя-классика о том, как разбойники убили и ограбили странника. Развернули его котомку и нашли там хлеб и сало. Хлеб съели, а сало не стали - поскольку был Великий пост; в пост сало есть - большой грех. Вот вам и ответ на вопрос: что такое загадочная славянская душа? С одной стороны - святые, великие подвижники Серафим Саровский, Иосиф Волоцкий, Сергей Радонежский и многие другие. С другой стороны - знаменитая помещица Салтычиха, замучившая до смерти 139 своих крепостных (кстати говоря, ее двор помещался на месте нынешнего здания КГБ - вот и толкуй после этого о бесплодности

¹ Москва, «Ретекс», 1991.

символизма!). Таковы две бездны, сущие от века не только на Руси, но и в сопредельных и дальнотемельных странах. Убивают везде, а у ножа, пули и яда нет национальности.

Теперь же перейду к рассказу о некоторых россиянах, преступивших первую заповедь (*Мф19,18*).

Дело Андрея Гилевича было одним из самых громких в России начала XX века. Но прославился он не числом убитых, а необычностью преступления (для своего времени). Потом по его следам пошли многие, но в России он был первопроходцем.

Началось с того, что 3 октября 1909 г. в Петербурге в номерах дешевой гостиницы было обнаружено мертвое тело, обезображенное и обезглавленное. При убитом нашли документы на имя инженера Гилевича, довольно обеспеченного человека. Правда, полицейских насторожило то, что документы лежали уж слишком на виду. Однако приехавший на опознание брат убитого Константин Гилевич рассеял все сомнения. Он показал, что это действительно его брат, и что он узнал его по родимому пятну на правом плече.

Спустя некоторое время брат Гилевича предъявил четырем страховым компаниям полисы на получение страховки на общую сумму в 300 тысяч рублей. Не дремали и сыщики. Они довольно скоро установили, что убитый - совсем не Гилевич, а одинокий провинциальный студент

Павел Подлуцкий, приехавший в столицу в поисках лучшей доли. С Гилевичем Подлуцкий познакомился, откликнувшись на газетное объявление, которое дал инженер. Студент нанялся к нему в секретари, но секретарствовал, как мы узнали, недолго.

При расследовании дела полицию смутило то обстоятельство, что одежда и ботинки убитого не подходили друг к другу. Верхняя одежда была сшита у одного из лучших московских портных, а ботинки были изделием, как сейчас сказали бы, ширпотреба. И действительно, тщательное исследование ботинок позволило, в конце концов, установить подлинную личность убитого.

Тем временем часть страховых денег была выплачена брату Андрея Гилевича, и преступники перестали осторожничать. Андрей, прятавшийся в Париже, поехал кутить в Монте-Карло. Там, играя в рулетку и в карты, он просадил большую сумму и послал брату в Петербург телеграмму с просьбой выслать 5 тысяч рублей. Дело "убитого" инженера Гилевича было известно всей читающей России, и телеграфист, принимавший телеграмму, обратил внимание на то, что кто-то просит брата "убитого" перевести 5 тысяч рублей в Монте-Карло. Телеграфист сообщил в полицию, а та связалась с французской полицией. В Париж были посланы фотографии Гилевича и его точное описание. Вскоре инженер был выслежен. Но во время ареста он сумел обмануть

бдительность полицейских и принял смертельный яд, который всегда носил с собой.

Октябрьская революция, произошедшая в России, в результате которой у миллионов были отняты деньги и имущество, навела многих людей на мысль: большевикам можно, а нам нельзя? И покатила волна бандитизма, с головой захлестнувшая страну во время революции, гражданской войны и нэпа. Дошло до того, что 19 января бандиты остановили и ограбили автомобиль, в котором ехал Ленин! У Ильича отняли, помимо прочего, личный браунинг. В нападении участвовали матерые убийцы Волков и Кошельков. Но им была нужна не жизнь вождя, а его кошелек. Останавливая автомобиль Ленина, они даже не знали, кто в нем едет. А узнав, не отказались от своих преступных замыслов. Оба бандита, принимавшие участие в нападении, были позднее ликвидированы. Волкова поймали и расстреляли 12 февраля 1919 г., а Кошельков был убит в перестрелке в июне того же года. У мертвого бандита, помимо документов убитых чекистов, был обнаружен браунинг Ленина. Очевидно, ему было трудно расстаться с такой добычей. А может, он мечтал о времени, когда будет создан музей В.И.Ленина, и он сможет передать эту драгоценную реликвию туда.

Самым известным уголовным убийцей 1920-х годов был, несомненно. Леонид Пантелеев, действовавший в Петрограде. Он организовал

банду, которая грабила и убивала людей. В банду входило примерно десять человек, четко исполнявших приказы главаря. Ближайшим помощником Пантелеева был некий Дмитрий Гавриков. В городе у Пантелеева было много "хаз" - конспиративных квартир, где он скрывался после налетов. Грабил Пантелеев главным образом врачей, адвокатов, нэпманов. Механизм ограбления был прост: налетчики звонили в квартиру, говорили, что это почтальон (курьер, пациент и т.д.), а затем под угрозой оружия отбирали ценности.

В 1922-23 гг. в Петрограде совершалось порядка 40 налетов в месяц; из них значительная доля принадлежала банде Пантелеева. Жители города были до того напуганы, что стали устраивать у себя в квартирах электрическую сигнализацию, ложась спать, клали под подушку топор, в театр и в гости почти перестали ходить - из опасения, что ночью разденут на любой улице, даже на Невском проспекте.

На совести Пантелеева было немало загубленных душ. Так, летом 1922 г., убегая от опознавшего его бывшего сотрудника ЧК Васильева, Пантелеев застрелил бросившегося наперерез начальника охраны Госбанка Б.Г. Чмутова.

Угрозыск, охотясь за Пантелеевым, постепенно приближался к цели. Каждый день розыска приносил все новые и новые аресты наводчиков, бесчисленных сожительниц-соучастниц Пантелеева. Позднее, на дознании, он

говорил, что в начале осени 1922 года он уже чувствовал себя, как затравленный зверь. Чувство это, однако, не помешало Ленке продолжать налеты. Он лишь в очередной раз изменил способы их совершения. 25 августа, около 4 часов утра, на Марсовом поле он и Гавриков, вооруженные револьверами, остановили извозчика, на котором ехали трое человек. Грабители, поигрывая револьверами, сняли с них верхнюю одежду, отобрали деньги, часы и обручальные кольца. Затем Пантелеев и Гавриков укатили на том же извозчике. Такое же ограбление Пантелеев совершил на улице Толмачева у клуба "Сплэндид-Палас".

В эту ночь на проспекте Нахимова начальником конного отряда милиции Никитиным был остановлен какой-то тип. Поводом к задержанию послужил крик из толпы: "Это налетчик!" Неизвестный, открыв стрельбу из "кольта", бросился бежать, но его догнали. Он был ранен, и его отправили в Мариинскую больницу, где он и скончался. Это был Белов, один из ближайших помощников Пантелеева.

4 сентября Пантелеева и Гаврикова удалось таки схватить. Днем налетчики зашли в обувной магазин - нет, не для грабежа, а чтобы купить себе обувь (убийцы ведь тоже носят ботинки). Пока они примеряли модные туфли, в магазин зашли двое милиционеров из местного отделения милиции. Один из них узнал Пантелеева, но бандит успел отреагировать - выхватил револьвер и стал стрелять. В

перестрелке один из милиционеров был смертельно ранен, но второй с помощью подоспевшего подкрепления сумел задержать преступников.

В тюрьме Пантелеев и Гавриков сидели недолго. В ночь с 10 на 11 ноября они сумели бежать с еще двумя членами своей банды - Рейнтоном и Лысенковым. И снова потянулись ограбления и убийства. Среди убитых был инженер Студенцов - при его ограблении Пантелееву показалось, что инженер вынимает из кармана оружие, и бандит выстрелил, не раздумывая. При ограблении одной из квартир убили хозяина, профессора Романченко.

Для поимки банды ГПУ создало ударную группу, были определены места возможного появления Пантелеева, установлены засады. Во время пьянки в ресторане "Донон" Пантелеев и Гавриков поскандалили со швейцаром, и метрдотель вызвал милицию. Гаврикова задержали, а Пантелеев при попытке задержания был ранен в левую руку, но не остановился и побежал по направлению к Марсову полю. Подбежав к Инженерному замку, он перелез через забор и спрятался в Пантелеймоновской церкви. Моментально сообщили в Угрозыск, и буквально через несколько минут на место прибыли агенты с собакой-ищейкой. По кровавому следу собака довела до Марсова поля. Дальше след терялся. Наугад прошли по Пантелеймоновской, прошли мимо церкви и... не заметили лежавшего там Леньки.

Раненный, Пантелеев решил отправиться на одну из самых отдаленных квартир на "Пряжке". Вышел на пустынный Невский, где к тому времени уже ходили дозоры, искавшие бандита. У самой Садовой улицы Пантелеев чуть не попался. Увидев приближавшийся патруль, он присел на каменную тумбу у ворот одного из домов и, подняв высокий воротник своего тулупа, притворился спящим ночным дворником. Один из дозорных подошел к нему и спросил, не видел ли он такого-то, и перечислил налетчику его же собственные приметы.

- Не знаю, не-е... Я три дня, как из деревни приехавши, - пробурчал "дворник". Дозорные пошли дальше. А неуловимый Ленька снова исчез.

Чувствуя, что конец все-таки неминуем, Пантелеев решает, что терять нечего, и, как проигравший игрок, становится все наглее и наглее. Окруженный такими же наглыми и жестокими бандитами. Ленька теперь выводит свою банду не только на налеты, но и на уличные грабежи, не только ночью, но и днем. В последний свой месяц он вместе с Мишкой Корявым (Лысенковым) и Сашкой Паном (Рейнтоном) совершил 10 убийств, около 20 уличных грабежей и 15 вооруженных налетов.

Уголовный розыск и ГПУ выделили на "дело Пантелеева" лучших работников, и в течение последних двух недель они буквально не слезали с автомобилей. В городе было размещено около 20 засад. То и дело поступали

новые сведения, сыщики буквально "сели на хвост" бандита, и он каждые полчаса менял места. Теперь ему было уже не до налетов и грабежей - он думал только о том, как спасти свою шкуру.

Хотя большинство конспиративных квартир банды было провалено, Пантелеев все еще верил в свою удачу. Вечером 12 февраля 1923 г. он вместе с Корявым шел на одну из надежных "хаз", весело посвистывая, с гитарой в одной руке и корзиной в другой. Пантелеев вошел в квартиру первым, за ним Лысенков. Ленька был уверен в том, что квартира "свободна", и не смотрел по сторонам. Но едва он оказался в прихожей, как из комнаты раздались выстрелы. Пантелеев был мгновенно убит. Лысенкова пуля лишь слегка ранила в шею, но он был так ошеломлен, что не пытался оказать сопротивление и в испуге поднял руки вверх.

Весть о случившемся на Можайской улице мгновенно облетела весь город. В тот же день в вечерней "Красной газете" появилось сообщение о том, что в ночь с 12 на 13 февраля 1923 года после долгих поисков был убит при аресте знаменитый Ленька Пантелеев, прославившийся своими зверскими убийствами и налетами.

Дело Пантелеева было окончено. Но долго еще ходили по городу слухи, что Ленька жив, на свободе и "себя покажет". Были случаи, когда налетчики выдавали себя за Пантелеева и Лысенкова, нагоняя страх на свои жертвы. Чтобы положить конец слухам, лицо убитого тщательно

"оживили", положили кое-где грим, труп бандита одели. Несколько дней мертвый Ленька пролежал в покойницкой, и ежедневно толпы горожан приходили взглянуть на того, кто так долго сеял в Петрограде страх и смерть.

(продолжение предполагается)

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Почему она назвала Лене Уфу, почему напомнила о Саше? Саша звонит Софье Александровне, передает ей приветы. Варя благодарила, но в приветы не верила. Софья Александровна говорит это из вежливости, может быть, чтобы утешить. Саша вычеркнул ее из своей жизни, не может простить ей Костю.

Иногда она пыталась себя убедить, что причина в другом. Саша скитается по стране, жизнь его полна опасностей, он не хочет, чтобы подвергалась опасности и она. Но ведь и ее мечты о тихой жизни в глухой провинции давно улетучились, тихой жизни теперь нет ни у кого. Ей надо только знать, что Саша любит ее. И чтобы он знал, что она любит его. Говорить иногда по телефону, писать письма, приезжать к нему хоть на день, на два, в отпуск. И не имеет значения, что у них не будет общего дома, семьи, детей. Горько, конечно, так думать, и все-таки пусть будет хоть так. Главное знать, что они нужны друг другу.

Но однажды ей приснился рыженький маленький заморыш, и будто был это ее сын, она носила его по комнате, запеленутого в байковое одеяло, и прижимала к себе, и целовала, и плакала над ним. И все удивлялась - почему же рыженький? У Саши темные волосы, у нее - тоже, а сыночек рыженький.

Проснулась - не хотелось вставать, может, рыженький снова приснится, хоть во сне понынчить их с Сашей ребенка!

Но, странное дело, сон этот отрезвил ее. Ей все казалось, что недоразумение как-то разрешится, Саша обязательно ей напишет, даже в отпуск не поехала к тетке. Та звонила, уговаривала: наберем малины, сварим тебе варенья. Но Варя боялась: уедет, а в этот момент придет письмо от Саши, вдруг он назначит ей встречу, будет потом локти кусать. А тут ехала на метро на работу, встала у задней двери, чтобы не пялились любопытные на заплаканные глаза, смотрела в темный тоннель и поняла: недоразумение не разрешится, с Сашей они не встретятся. За полтора года после своего освобождения Саша не написал ей ни строчки, позвонил один раз, и она уверена - по настоянию Софьи Александровны. Если он боится соединить их жизни, мог бы написать: "Я не знаю, что будет со мной завтра, не имею права рисковать твоей жизнью, твоей свободой, забудь меня". Он человек прямой и честный, обязательно бы так написал. Не написал. Значит, дело в Косте. Об этом писать он не желает. Отрубил раз и навсегда, и надо с этим примириться. Он ущемлен жизнью, он - гонимый, он верил в нее, известие о Косте ошеломило и оскорбило его. Он решительный человек, мужчина, и он отсекает ее от себя. В его тревожной жизни нет теперь места для нее, он просто ее забыл. Но она его никогда не забудет.

Разве может она забыть тот день, когда на Казанском вокзале увидела его, шагающего между двух конвоиров с чемоданом в руке и с заплечным мешком на спине. И как, чувствуя на себе ее взгляд, он оглянулся, и она увидела белое, как бумага, лицо и черную, как у цыгана, бороду. Но он никого не увидел, и ее не увидел, и меж конвоиров зашагал дальше к поезду, стоявшему на дальней платформе. Тот день перевернул ее жизнь, она впервые испытала ужас перед этим беспощадным и несправедливым миром. Она никогда не забудет тот день, никогда не забудет Сашу, всегда будет помнить и любить его, будет предана ему, никогда не покинет Софью Александровну. Варя по-прежнему каждый день звонила ей, забегала иногда по пути домой, но теперь у нее появились новые заботы: все свободное время она проводила у Лены Будягиной.

Попытки Игоря Владимировича устроить Лену на работу не давали результата. Его влиятельные знакомые, услышав ее фамилию, сразу отказывались помочь, а если кто-то и доходил до отдела кадров, то отказывали там.

Лена сдала брата в детприемник.

- Если бы ты видела наше прощание, - сказала она Варе с горечью. - Владлен даже не поцеловал меры, кивнул головой, как чужой. Мне сказали, через месяц я смогу узнать, в какой детдом его направили. Будет ли у меня этот месяц? У нас тут плохие известия.

- Что такое?

- Всех высланных отсюда арестовали на новом месте и направили в лагеря. Умно придумано. Если жену "врага народа" арестовать здесь, то в квартире остаются родственники. А выслали всю семью, скажем, в Астрахань — в Москве квартира и освободилась. Скоро за нас возьмутся, осталось всего двенадцать семей. Все исчисляется днями. Меня, наверное, в лагерь отправят, Ваню - в детдом.

- Неужели ты отдашь им сына?!

- Что я могу сделать? Если бы я жила на десятом этаже, выбросилась бы с ним из окна. А с первого этажа куда выбрасываться?

- Чепуху говоришь.

- Знаю, что чепуху. Но все другие разговоры бесполезны.

- А почему не уехать?

- Куда?

- Я же тебе говорила - в Мичуринск.

- Варенька, милая, твоя тетя будет меня с Ваней кормить? Пойду искать работу, а там надо заполнить анкету, кто отец, кто мать. И мгновенно заберут. В глуши. Здесь хоть в столице возьмут. Я вижу, ты не согласна со мной?

- Да, не согласна. Почему так покорно идете в тюрьмы и ссылки? Даже детей своих не спасаете! Миллионы людей в лагерях, тюрьмах, ссылках, во всяких минусах. Если все вдруг разбегутся, кто их поймают? Сто НКВД не хватит ловить.

Лена устало опустилась на стул.

- Все упущено, проиграно, раздавлено, мы не знаем, что делать. Хотя бы Ванечку спасти, но как?

- Его надо пристроить к надежным людям, а потом сматываться самой.

- Где эти надежные люди, ты их знаешь?

- Неужели твои родственники в Мотовилихе и в Баку не возьмут твоего ребенка?

- Не возьмут, даже если я их найду. Не возьмут.

- Хочешь, я его заберу пока к себе? Если тебе удастся от них ускользнуть и надежно устроиться, я тебе его верну, не удастся - буду воспитывать.

- Спасибо, Варенька, но это нереально. Ты должна работать и учиться, с кем будет Ваня?

- Мне поможет Софья Александровна, Сашина мама.

- И она работает. Нет, этим я ни тебя, ни ее никогда не обременю.

- А у твоей Маши есть в деревне родственники?

- Ее родственники высланы как кулаки, а она девчонкой сбежала из деревни и вот прибилась к нам.

- Возьми ребенка и сегодня же уезжай с ним в Мичуринск. Я поеду с тобой и устрою вас у тетки.

- Я так рисковать не могу. Лучше уж лагерь, ссылка, чем очутиться в незнакомом городе без работы, без куска хлеба, с ребенком на руках да еще с угрозой, что тебя каждую минуту могут схватить и отправить в тюрьму.

Варя ушла расстроенная.

Все трусы, покорно дожидаются своего часа. Мальчишку только жаль, такой беленький, нежный, теплый, голубоглазенький мальчонка, засунут в дом для детей "врагов народа". Сколько этих малолеток там выживает, а если выживет, не будет даже знать, кто он и откуда. И Лена, если останется жива, тоже не будет знать, где ее ребенок.

По дороге домой Варя зашла на почту, где лежало письмо от Нины. Нина писала до востребования, аккуратно, каждую неделю. В первых же письмах сообщила: "Все хорошо, преподаю историю в старших классах, учителей тут не хватает. С Максимом мы зарегистрировались, теперь я - Костина". Варя тогда подумала, что это Макс уговорил ее переменить фамилию. Молодец! Теперь ее не найдут, — впрочем, кто будет ее искать? Тех, кто искал, самих пересажали.

В последующих письмах Нина ничего особенного не писала: новостей нет, все в порядке. Но в сегодняшнем письме чувствовалась тревога: "Ты, конечно, знаешь о наших событиях. Надеюсь, все будет хорошо".

О каких она событиях?! Письмо от первого августа, сегодня - пятнадцатое. Письма идут две недели. Что же произошло в начале августа? Газет Варя не читала принципиально, по радио слушала только сводку погоды - не желала ни слушать, ни читать их вранья. Что-то, правда,

доходило до нее: на Дальнем Востоке стычки с японцами. Но ведь с "японскими самураями" у нас вечные стычки.

На другой день на работе Варя узнала, в чем дело. С 29 июля по 11 августа в районе озера Хасан шли ожесточенные бои между советскими и японскими войсками, японцы отброшены, подписали мирное соглашение. Понятно, о чем писала Нина. Макс участвовал в боях, о нем Нина и беспокоилась. Жив ли он?

Впервые война вошла в ее сознание как реальность. Варя читала и о мировой войне, и о гражданской, в школе проходили, но это было давно, далеко, а тут, оказывается, Макса могли убить на войне. Конечно, военный человек, его обязанность - воевать, но зачем война? Она была еще девочкой, однако хорошо помнит, как говорили в школе, как говорила Нина и ее друзья: "Человечество не забыло и не забудет мировую войну, унесшую десять миллионов жизней. Рабочие всего мира не допустят нападения на Советский Союз". А теперь только и слышишь об "угрозе войны" со стороны Германии и Японии. И вот японцы напали, напали-то на нашу территорию, озеро Хасан на нашей земле. Варя купила "Правду", нашла сообщения с Дальнего Востока. Вечером включила радио, прослушала последние известия от начала до конца.

Но если бы с Максом что-нибудь случилось, Нина бы сообщила. А может, запрещают сообщать? У нас все могут. В газетах пишут,

сколько потеряли убитыми и ранеными японцы, а сколько мы потеряли, не пишут, скрывают.

Что же делать? Дать телеграмму? Нине Сергеевне Костиной: "Сообщи здоровье". Нина поймет, о чем здоровье она спрашивается. Но не навредит ли она им? Все засекречено, все тайна... Спросят: "Почему ваша родственница беспокоится, разве она знает, что товарищ Костин участвовал в боях? Откуда знает? Вы ей сообщили? Зачем?" Сволочная страна! Каждый шаг, каждое движение грозит опасностями.

А не зайти ли к родным Макса, они живут в соседнем подъезде, мол, что и как, ведь война была?! Но она с Максом не училась, не дружила, ни разу в его квартиру не заходила, с его родными почти незнакома, а тут вдруг, здравствуйте, явилась, забеспокоилась. Нет, это не годится.

Варя поделилась своей тревогой с Софьей Александровной, та пообещала все разузнать у матери Максима. Через два дня Софья Александровна позвонила: в семье Костиных никаких плохих известий нет. Это сообщение не успокоило Варю. И от родной матери могут скрыть. Ладно! Подождет еще неделю, а потом даст телеграмму.

Телеграмму давать не пришлось. Через несколько дней на работу опять позвонила Софья Александровна:

- Варенька, посмотри сегодняшнюю газету. Там есть насчет Максима.

- Что, плохое?

- Наоборот, хорошее.

Варя разыскала газету. Участники боев у озера Хасан награждены орденами и медалями, несколько тысяч человек. Но в газете приводились только фамилии Героев Советского Союза. Среди них Костин Максим Иванович - командир батальона.

Макс - Герой Советского Союза! Самое высокое звание в стране. Теперь Нина за ним как за каменной стеной. Теперь ее не посмеют тронуть.

И вдруг Варя подумала, что Нина и Макс могли бы приютить маленького Ваню Будягина, усыновить, дать свою фамилию. Детей у них нет, денег, наверно, хватает, и наверняка там, в военном городке, есть и ясли, и детские сады. Откуда взяли ребенка? Очень просто: ребенок сестры Вари, прижила неизвестно от кого, шлюхенция, не пропадать же ребенку возле этой распутницы, хотим воспитать настоящего советского гражданина, стойкого защитника социалистического Отечества. Приехала, сволочь, бросила тут своего ребенка и укатила, вот, оставила бумажку: "Согласна на усыновление М.И. и Н.С.Костиными моего сына Ивана. В.Иванова". Что с нее, с беспутной, возьмешь?! Оформят документы, не Москва, к тому же не кто-нибудь, а Герой Советского Союза!

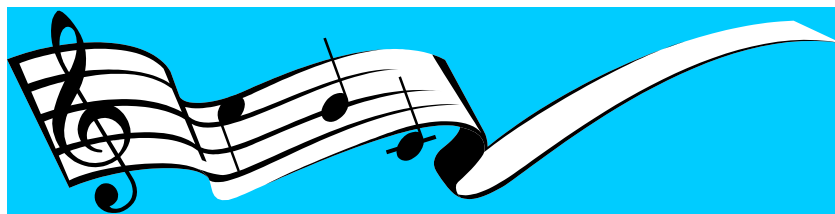
Согласится ли Лена? Мать должна прежде всего спасти ребенка. Согласится ли Нина? Как она может не прийти на помощь ближайшей подруге?! Неужели партия убила в ней все

человеческое? Ну а Макс поступит так, как скажет Нина, добрый парень. Она сама отвезет туда ребенка, пусть попробуют не взять!

Оказалось, для выезда на Дальний Восток нужен пропуск. Варя пошла в 8-е отделение милиции в Могильцевском переулке, там ей объяснили, что для получения пропуска требуется вызов, оформленный как положено, "там" знают как.

Тут же Варя отправила Максиму телеграмму: "Поздравляю правительственной наградой (черт с ними, так телеграмма быстрее дойдет). Иду в отпуск, срочно пришли вызов мне и моему сыну Ване для получения пропуска. Варя".

(продолжение предполагается)

КОЗЁЛ НА САКСЕ

Алексей КОЗЛОВ

(главы из новой книги)

"Но все это относится к рациональной стороне науки об импровизации. Существует еще и мистическая сторона. В мировой практике встречаются солисты, обладающие даром гипноза и овладевающие аудиторией по своим собственным законам, заставляя себя слушать и восхищаться их игрой. Я уверен, что такие музыканты, как Никколо Паганини, Джимми Хендрикс или Майлз Дэвис были настоящими экстрасенсами. В принципе, любой солист должен быть в какой-то степени гипнотизером, если не шаманом."

"В джазовой традиции схема пьесы довольно проста. Сперва излагается тема, а

затем солисты играют по очереди свои импровизации, используя одну и ту же последовательность аккордов, соответствующую теме. С появлением новых видов джаза - модального, джаз-рока или фьюжн - возникли другие подходы к построению формы. Солисты стали играть импровизации по гармоническим схемам, отличающимся от основной темы, разные солисты стали применять разные схемы в рамках одной пьесы, между солистами стали делаться оркестровые вставки, являющиеся побочными, то есть новыми темами. Таким образом форма произведений в новом джазе значительно усложнилась, приблизившись в некотором смысле к симфонической музыке."

*** * ***

Глава 6. Биржа

(...)

Мое первое знакомство с абсолютно новым саксофоном состоялось в 1958 году, в период, когда я только начинал играть и был завсегдатаем "биржи". Тогда я учился в Московском Архитектурном институте и был там руководителем небольшого студенческого оркестра. И вдруг, впервые в истории, в

магазине музыкальных инструментов на Неглинной улице, прямо рядом с "биржей", поступили в продажу иностранные саксофоны. Я не знаю, может быть до войны такое и бывало, но в послевоенные годы, когда саксофон был объявлен вражеским инструментом, он из официальной продажи был изъят. А здесь еще и заграничный, правда, из ГДР, фирмы "Weltklang", но зато новый. Я бросился в магазин и, действительно, увидел на витрине отдела духовых инструментов красавец-саксофон, лежащий в новом футляре. Правда, там были только тенор-саксы, а я до этого играл на альте, хотя мечтал о баритоне. Их было в продаже всего несколько штук и я понимал, что через несколько дней их разберут, а следующего завоза может никогда и не быть. Стоил он довольно дорого по студенческим меркам. Таких денег у меня не было. Мне пришла в голову мысль - обратиться в профком института, чтобы они, по безналичному расчету, приобрели саксофон для самодеятельности, которой я руководил. Обычно в парткомах и профкомах сидели люди, жившие по указаниям сверху и поступавшие согласно тому, что печаталось в центральных газетах. Отношение к саксофону как к орудию вражеской идеологии, вбитое в сознание простых людей еще в сталинские времена, в принципе пока не изменилось, хотя Фестиваль 1957 года сделал свое дело, многие начали все понимать и стали притворяться. В расчете на это я и обратился в профком с такой

крамольной просьбой. Как ни странно, особого сопротивления я не встретил, и решение купить для институтского оркестра саксофон было принято. При этом все понимали, что покупают его лично мне. И вот наступил момент, когда я вошел в магазин с гарантийным письмом от института, выбрал инструмент и выписал счет для безналичной оплаты. Все происходило как в счастливом сне — запах от нового футляра, блеск от девственно чистых поверхностей... Правда, окончательное счастье наступило не сразу. Мундштук, прилагавшийся к инструменту, был абсолютно непригоден и пришлось срочно искать на "бирже" самодельную копию какой-нибудь фирменной модели, типа "Berg Larsen", а также покупать трости для тенор-сакса у известного подпольного мастера Телятникова. Первое время вместо удовольствия я испытывал сплошные трудности, поскольку пришлось переучиваться с альты на тенор. Сам инструмент оказался значительно больше и тяжелее привычного альты, но главное, - понадобилось перестраивать всё дыхание, ведь в тенор-сакс необходимо вдвухать гораздо больше воздуха. А поскольку я тогда ничего не знал о том, как правильно дышать при игре на саксофоне, экономя воздух и не дую, что есть мочи, то первое время у меня даже кружилась голова от избытка кислорода в легких. Вдыхал я воздух ртом, прямо в легкие, вместо того, чтобы использовать брюшную полость, вдыхая по возможности через нос. Помню, как первые

годы, играя на саксофоне, я надувал щеки как лягушка, задыхался, становился красным как рак, пока интуитивно не понял, что «не прав». В дальнейшем мое дыхание изменилось коренным образом и при игре на саксофоне, и в жизни. В этом мне очень помогли самиздатские книги, посвященные древней науке индийских йогов о пранаяме, правильном дыхании. Еще позднее я получил подтверждение своим дыхательным приемам из теории нашего ученого Бутейко.

Ну, а тогда, в самом начале своей саксофонной практики я рьяно взялся заниматься на новом саксофоне, зная, что теперь отступать некуда, ссылаться на плохой инструмент, чтобы оправдать отсутствие хорошего звука, больше не придётся. Здесь я хотел бы сделать чисто профессиональную врезку относительно того, чем является звук для исполнителя на духовом инструменте. Звучание, хороший тембр саксофона, трубы или тромбона - это основа профессионального мастерства. Если у исполнителя нет звука, то все остальные качества - умение быстро играть пассажи, знание гармонии, умение читать с листа ноты любой сложности - все это никому не нужно, потому что не производит впечатление, не звучит. Поэтому прежде всего необходимо выработать у себя устойчивый, профессиональный, красивый звук. Существует большая разница в том, как приходит звук к исполнителям на разных видах духовых инструментов. Саксофон характерен тем, что

начинающему исполнителю довольно легко, почти с первой попытки, извлечь подобие нот и, перебирая клапаны, даже сыграть простую мелодию. Эта кажущаяся простота нередко вводит в заблуждение начинающего саксофониста, который, не добившись хорошего звука, забрасывает упражнения и переходит к исполнительской практике, стремясь играть какую-то музыку в каком-нибудь составе. Таким образом плохой, не поставленный звук фиксируется и остается надолго, если не навсегда. Избавиться от него, улучшить его после того, как долго играл с неверным звукоизвлечением, крайне трудно. Но не менее трудно начинающему музыканту сдерживать себя и не играть никакой музыки до тех пор, пока не появится правильный звук.

На трубе всё по-другому. Там для извлечения первого звука нужны гораздо большие физические усилия. Без помощи педагога, который должен кое-что показать, и не натренировав мышцы губ, невозможно перейти к исполнению даже простых гамм. Сама специфика трубы или тромбона заставляет исполнителей на этих инструментах сперва овладевать звуком, — а это процесс очень трудоемкий и продолжительный. Поэтому среди саксофонистов гораздо больше людей с некачественным звуком, чем среди трубачей или тромбонистов.

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ЧЕРВЬ

...Никита Иванович и с ним другой Прежний, Лев Львович, из диссидентов, сидели за столом и пили ржавь. Видать, давно пили и набрались хорошо: личики красные, бормочут чепуху.

Бенедикт снял шапку.

- Доброго здоровьичка.

- Беня?! Беня! Да ты ли это?! - Обрадовался, засуетился. - Сколько лет, сколько зим! Нет, правда? Год, два?.. С ума сойти... Знакомы? Бенедикт Карпов, наш скульптор, народный Опекушин.

Лев Львович посмотрел с сомнением, будто и не узнал, будто сам когда-то пушкина нести не помогал; личико покривил:

- Кудеяровых зять?

- Ага.

- Слышал, слышал про ваш мезальянс.

- Спасибо, - поблагодарил Бенедикт. Даже растрогался. Слышали, значит.

Сел, Прежние подвинулись. Теснота, конечно. Вроде избушка с прошлого раза меньше стала. Свечка чадит, натекает, тени пляшут. Стены закопченные. На столе тоже нищета: жбан, да кружки, да горошку тарелка. Налили Бенедикту.

- Ну, что же ты?.. Как?.. Ну ты подумай... А мы сидим вот, выпиваем... О жизни беседуем... О прошлом... То есть, конечно, и о будущем тоже... Вот о Пушкине нашем... Как мы его ваяли, а?

Как воздвигали! Какое событие! Эпохальное! Восстановление святынь! Историческая веха! Теперь он снова с нами. А ведь Пушкин, Беня, Пушкин - это наше всё! Всё! Вот ты об этом подумай, запомни и усвой... Но - представляешь, жалость какая. Он уже требует реставрации...

- Чего он требует?!.. - привстал Бенедикт.

- Чинить, чинить его надо! Дожди, снег, птицы... Вот если б он был каменный! О бронзе я уж молчу, до бронзы еще дожить надо... И потом народ - народ совершенно дичайший: привязали веревку, вешают на певца свободы белье! Исподнее, наволочки, - дикость!

- Да вы ж сами хотели, чтоб народная тропа не зарастала, Никита Иваныч! А теперь жалуетесь.

- Ах, Боже мой, Беня... Ну это же в переносном смысле.

- Пожалуйста, перенесем куда скажете. Холопов пригоню. На санях тоже можно.

- О Боже мой, Господи, царица небесная...

- Нужен ксерокс, - это Лев Львович, мрачный.

- Не далее, как сто лет назад вы говорили, что нужен факс. Что Запад нам поможет. - Это Никита Иваныч.

- Правильно, но ирония в том...

- Ирония в том, что Запада нету.

- Что значит нету! - рассердился Лев Львович.

- Запад всегда есть.

- Но мы про это знать не можем.

- Нет уж, позвольте! Мы-то знаем. Это они про нас ничего не знают.

- Для вас это новость?

Лев Львович еще больше помрачнел и ковырял стол.

- Сейчас главное - ксерокс.

- Да почему же, почему?!

- Потому что сказано: плодитесь и размножайтесь! - Лев Львович поднял длинный палец. - Размножайтесь!

- Ну как вы мыслите, - Никита Иваныч спрашивает, - ну будь у вас и факс и ксерокс. В теперешних условиях. Предположим. Хотя и невероятно. Что бы вы с ними делали? Как вы собираетесь бороться за свободу факсом? Ну?

- Помилуйте. Да очень просто. Беру альбом Дюрера. Это к примеру. Черно-белый, но это не важно. Беру ксерокс, делаю копию. Размножаю. Беру факс, посылаю копию на Запад. Там смотрят: что такое! Их национальное сокровище. Они мне факс: верните национальное сокровище сию минуту! А я им: придите и возьмите. Володейте. Вот вам и международные контакты, и дипломатические переговоры, да все что угодно! Кофе, мощные дороги. Вспомните, Никита Иваныч... Рубашки с запонками. Конференции...

- Конфронтации...

- Гуманитарный рис шлифованный...

- Порновидео...

- Джинсы...

- Террористы...

- Обязательно. Жалобы в ООН. Политические голодовки. Международный суд в Гааге.

- Гааги нету.

Лев Львович сильно помотал головой, даже свечное пламя заметалось:

- Не расстраивайте меня, Никита Иванович. Не говорите таких ужасных вещей. Это Домострой.

- Нет Гааги, голубчик. И не было.

Лев Львович заплакал пьяными слезами, стукнул кулаком по столу, - горошек подскочил на тарелке:

- Неправда! Не верю! Запад нам поможет!

- Сами должны, собственными силами!

- Не первый раз замечаю за вами националистические настроения! Вы славянофил!

- Я, знаете...

- Славянофил, славянофил! Не спорьте!

- Чаю духовного возрождения!

- Самиздат нужен.

- Но Лев Львович! Но самиздат у нас и так цветет пышным цветом. Вы же сами в свое время настаивали, не правда ли, что это основное. И вот, пожалуйста, - духовной жизни никакой. Значит, не в том дело.

- У меня жизнь духовная, - кашлянув, вмешался Бенедикт.

- В каком смысле?

- Мышей не ем.

- Ну, и?..

- В рот не беру. Только птицу. Мясо. Пирожок иногда. Блины. Грибыши, конечно. Соловей "марешаль" в кляре, хвощи по-савойски. Форшмак из снегирей. Парфэ из огнецов а-ля-лионнэз. Опосля - сыр и фрукты. Все.

Прежние молчали и смотрели на него в четыре глаза.

- А сигару? - осклабился наконец Лев Львович.

- Цыгару курить в другую палату переходим. К печке. Теща моя, Феврония, за столом не велит.

- Помню Хавронью, - заметил Лев Львович. - Папашу ее помню. Дебил. Дедушку. Тоже был дебил. Прадедушка - тоже.

- Совершенно верно, - подтвердил Бенедикт. - Стариннейшего рода, из французов.

- Плодились и размножались, - захихикал пьяненький Никита Иваныч. - Вот вам! А? Лев Львович!

- А вот вам ваш духовный ренессанс, Никита Иваныч!

Налили ржави.

- Ну ладно... За возврат к истокам, Лев Львович!

- За вашу и нашу свободу!

Выпили. Бенедикт тоже выпил.

- Отчего бы это, - сказал Никита Иваныч, - отчего это у нас всё мутирует, ну всё! Ладно люди, но язык, понятия, смысл! А? Россия! Всё вывернуто!

- Не все, - поспорил Бенедикт. - Вот разве если сыру съешь, то да, внутрих мутирует и выворачивает. А если пирожок - то ничего... Никита Иваныч!.. А я к вам с подарком.

Бенедикт пошарил за пазухой и вынул, в чистую тряпицу завернутые, "Виндадоры", - жалко было, по-честному, до слез, но - нельзя же без приношения.

- Вот. Это вам. Книга.

Никита Иваныч изумился, Лев Львович всполошился:

- Это провокация!.. Никита Иваныч!..

- Это стих, - пояснил Бенедикт. - Здеся все про нашу жизнь в стихах. Вы вот спорите, сейчас подеретесь, - а вы читайте. Я наизусть выучил. - Бенедикт завел глаза в темный потолок, - а так всегда вспоминать легче, ничего не отвлекает, - "Поросеночек яичко снес! Куропаточка бычка родила! Виндадоры, виндадоры..."

- Не надо, - попросил Лев Львович.

- Сами любите? Я тоже больше сам, глазами... чтоб никто не мешал... Канпоту себе нацедишь, - и читать!

- Где взял? - поинтересовался Никита Иваныч.

Бенедикт выразил неопределенность: челюсть выдвинул вперед, рот завинтил, будто для поцелуя, брови поднял повыше, сколько кожа позволила, и глаза скосил на плечо; руками тоже пошевелил туда-сюда в разных

направлениях.

- Взял... и взял. У нас вообще библиотека большая.

Налили еще ржави; Прежние на Бенедикта не смотрели, да и друг на друга не смотрели, а в стол.

- Спецхран, - сказал Лев Львович.

- Духовная сокровищница, - поправил Никита Иваныч.

- Но я уже все прочел, - сказал Бенедикт. - Я, это... с просьбой. Может, у вас что почитать найдется, а? Я аккуратно... ни пятен, ничего. Я книгу уважаю.

- У меня книг нет, - отрекся Никита Иваныч.

Правда нет, ай врет?..

- Я могу свои дать, на время... Вроде как в обмен... Если вы осторожно... Оберните там чем-нибудь... тряпицей, ветошью... У меня книги хорошие, ни Болезни от них, ничего...

- Межбиб с Левиафаном, - сказал Лев Львович. - Я бы не связывался.

- У вас фаза конспирации... Где же ваш демократизм?

- Не надо кооперироваться с тоталитарным режимом...

Бенедикт переждал, пока Прежние закончат свою тарабарщину.

- Дык как, Никита Иваныч?

Никита Иваныч руками сделал вид, что не слышал. Еще браги налил. Хорошо пошла...

- У меня интересные, - соблазнял Бенедикт. - Про баб, про природу... наука тоже... всякое сообщают... А вот вы про свободы говорите, - так и про свободы пишут, про что хочешь пишут. Учат как свободу делать. Принести? Но только чтоб аккуратно.

- Но?.. - заинтересовался Лев Львович. - Чья книга?

- Моя.

- Автор, автор кто?

Бенедикт подумал.

- Сразу не вспомню... На "Пле" как-то...

- Плеханов?

- Не...

- Неужто Плеве?

- Не, не... Не сбивайте... А! - "Плетення". Да! "Плетення жинкових жакетов". - "При вывязывании проймочки делаем две петли с накидом, для свободы движения. Сбрасываем на правую спицу, не провязывая".

- Вязать-то у нас всегда умели... - осклабился Лев Львович.

- Так я привезу? Одобряете?.. - привстал Бенедикт.

- Не стоит, юноша.

Бенедикт слукавил: он и сам не очень любил читать "Плетення", - скучноватый эссе; но думал, может, Прежним подойдет, кто их знает. Сам он больше любил "В объятиях".

Накурили, однако, - невprodых. Бенедикт, раз уж встал, толкнул дверь, - впустить вьюжного воздуха. А заодно и за Тетерей

присмотреть: не допустил ли своеволия, не забрался ли в сани, - там же шкура медвежья, а скотина другой раз что делает: заберется под шкуру греться, а после проветривай ее! Дух от перерожденца тяжкий: навоз, сено, ноги немытые. Нет, не забрался, но что делает: встал на ноги, валенок с руки снял, и на столбе, где "Никитские ворота" написано, выцарапывает матерное.

- Тетеря!!! - гаркнул. - Ах, ты, погань волосатая!.. Все вижу!

Сию же минуту юркнул назад, на четвереньки, как будто ничего такого и не делал, и ногу задрал на столб: дескать, а что? просто облегчаюсь, как водится. Пысаю.

- С-с-скотина...

Никита Иваныч выглянул из-за Бенедиктова плеча.

- Бенья! Но что же вы не приглашаете своего товарища в дом? Боже мой, и в такой мороз!..

- Товарища?!.. Никита Иваныч! Это ж перерожденец! Вы что, перерожденца не видели?!

Лев Львович, - а не полюбил он Бенедикта: взгляды бросал как бы презрительные и рот держал скривимши на сторону, - тоже поднялся из-за стола, толпился за спиной Истопника, заглядывал. Бормотал: "чудовищно, эксплуатация"...

- Зовите, зовите в дом! Это бесчеловечно!

- Дак он и не человек! У человека валенок на руках нету!

- Шире надо смотреть! И без него народ неполный! - назидал Лев Львович.

- Не будем спорить о дефинициях... - Старик заматывал горло шарфом. - Мы-то с вами кто... Двухное без перьев, речь членораздельная... Пустите меня, я пойду приглашу... Как его зовут?

- На Тетерю откликается.

- Ну я не могу так взрослого... По отчеству как?

- Петрович... Да не сходите с ума, побойтесь Бога-то, Никита Иванович!!! Перерожденца - в избу! Опоганит! Стойте!..

- Терентий Петрович! - склонился в сугроб Истопник, - сделайте милость! В избу пожалуйте! К столу, погреться!

Ополоумевшие Прежние выпрягали перерожденца, снимали оглоблю, заводили в избу; Бенедикт плюнул.

- Вожжи ваши позвольте, я помогу... На гвоздь вешайте...

- Шкуру попрут! Шкура без присмотра! - кинулся к саням Бенедикт, и овремя: двое голубчиков уже сворачивали медвежью шкуру в ковер, взваливали на плечо, а и всякий бы так сделал, - что же: посередь улицы такое добро без

хозяина распластамши! Завидев Бенедикта, бросились с ковром в переулок. Догнал, побил, отбил добро, запыхался. У-у, ворье!

- ...Я домой пришел, все культурно, полы польским лаком покрыты! - разорялся пьяный

Тетеря. - Разулся, сразу в тапки, по ящику фигурное катание Ирина Роднина! Двойной тулуп... Майя Кристалинская поет. Тебе мешала, да?

- Я... - возражал Лев Львович.

- Я, я! Все "я"! "Я" - последняя буква алфавита! Распустились при Кузьмиче, слава ему! Всех распустил, карла гребаный! Книги читают, умные все стали! Небось при Сергеиче бы не почитали!..

- Но помилуйте!.. позвольте! - рвались наперебой Лев Львович с Никитой Ивановичем, - при Сергей Сергеиче был полный произвол!.. - потоптал права личности!.. - аресты среди бела дня!.. - вы забыли, что больше трех запрещали собираться?.. - ни пить, ни курить на улицах!.. комендантский час!.. - а что было, если опоздаешь на пересчет?!.. - а форма одежды?..

- При Сергеиче порядок был! Терема отстроили! Заборы! Никогда выдачу со Склада не задерживали! Пайки на праздники, у меня паек пятой категории был, и открытка от месткома!..

- Вы путаете, вы путаете, открытки, - это было до Взрыва!.. Но, - вспомните, - еще каких-нибудь сорок лет назад запрещали частный излов мышей!

- ... кооператив в Скообл... в Свиблове, - заплетался языком Тетеря, - от метро пять минут. Район зеленый, понял? Мы не

рабиновичи, чтоб в центре жить!.. И правильно вас всех сажали!

- Позвольте... мы же говорим о Сергей Сергеиче!..

- ...очки напялят и рассуждать! Не позволю... крапивное семя! Вдарить монтировкой... Не трясси борода-о-ой! Абрам! Ты абрам! Тебе от государства процент положен, и соблюдай!.. ё-моё... а не с иностранцами хвостом вертеть...

- Но...

- Расплодились, бля! Два процента вам быть велено!.. чтоб у трудового народа на шее не засиживался!.. Кто все мясо съел? Эпштейн! А?! Сахар скупили, а мы белое из томат-пасты гони, да? Так?.. Гитлер ты! Жириновского на тебя нет!

- Но...

- ...сыну костюмчик васильковый чистсшщч... чистошерстяной!.. А ты сговорился Курилы Рейгану продать!.. Ни пяди!..

- Терентий Петрович!

- Сказал: ни пяди!.. Курилы не отдадим... А столбы свои в задницу себе засунь! Развели музей в государстве, паразиты! Бензином вас всех... и спичку!.. и пппппарламент ваш, и книжки, и академика Ссссссахарова! И...

- А вот тебе, скотина! - вдруг ударил наотмашь багровый Лев Львович. - Не трогай Андрей Дмитрича!!!

Никакого Андрей Дмитрича в избе не было; а это бывает, когда лишку выпьешь: в глазах

все как бы двоится, и из углов фигуры неведомые, али лица смотрят; смигнешь, - и нету их.

- Мерзавец! - кричал и Главный Истопник. - Вон отсюда!

- Не тро-ожь! - бушевал Тетеря, отбиваясь мохнатыми локтями. - Русских бью-у-ут!

- Урка!.. Беспредел!.. Вяжи его!

Повалили стол, покатился жбан; Бенедикт тоже накинудся, помогал вязать вожжами пьяную скотину; скрутили, выбросили наружу, наподдали пинка напоследок.

- ...в Свиблове смеситель хромированный стоял! - неслось из метели. - А у вас ничего на хер не стоит, у пидарасов!..

Если этот смирный — каков же Потап?..

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

32

А на завтра все пошло, как и в прежние дни. Снова Данилов окунулся в суету и в хлопоты. Обнаружилась Клавдия Петровна со своими претензиями.

В театре Данилова торопили с выпуском стенной газеты "Камертон". Данилов уже перепечатал заметки о стажерах, и прежде всего — о меццо Черепниной, получил от трубача Тартакова дискуссионную статью об ансамблях и солистах, сам описал осенние сахалинские гастроли, но вот с передовой дело у него не шло. Свирели какие-то вились над бумагой, а литавры так и не звучали. Данилов звонил мне, уговаривал сочинить передовую, просил не погубить. Но что я мог? Пришлось Данилову обратиться к помощи отрывного календаря. А за газетой пошли семинары, вновь ожила вечерняя сеть политпросвещения. Данилов хлопотал и по хозяйству, он не хотел вынуждать Наташу таскать продукты в останкинскую квартиру. Сам иногда варил перцы с любительской колбасой.

Естественно, что и спектакли в театре шли один за другим. На основной сцене и на торжественной. Данилов уже не испытывал острой ненависти к музыке. Однако порой она ему была скучна. Иногда Данилов ощущал облегчение. Думал: "Не будет меня теперь тяготить симфония Переслегина, я ею разрешился..." Дней пять для Данилова вышли хоть и суетные, но легкие. Он опять забыл о Валентине Сергеевиче. Только однажды вдруг Данилова тихонечко что-то толкнуло, будто плеча коснулось. И защемило тогда: "Неужели все? Неужели я больше никогда ничего не сыграю?"... Потом прошло.

Встречался Данилов с Переслегиным и Чудецким. Чудецкий был попрежнему деловит, весь в планах. А Переслегин не желал больше писать, обзывал себя бездарью.

— Ну как же, — возражал Чудецкий, — публика приняла вашу вещь хорошо, да и Константинов с Вегенером вас хвалили.

— Разве хвалили? — оживился Переслегин. — Но я тут при чем? Это вы с Даниловым сделали из моей бумаги музыку! Разве у меня альт так звучал?

Для альты Переслегин вообще не намерен был теперь писать, он говорил, что альт Данилова испугал его. "Это же царь, а не инструмент, куда мне до его звуков!" Чудецкий посмеивался, уверял, что через месяц Переслегин отойдет и

возьмется писать именно для альты. От Чудецкого и Переслегина Данилов узнал, что большие музыканты высказались об его игре с похвалой. Мол, он, Данилов, удивил. Показал, какие у альты возможности. Словно бы напомнил о чем-то забытом. Или, наоборот, предсказал будущее. Однажды и Клавдия Петровна явилась к Данилову с претензией — как это он не пригласил ее в Клуб медиков.

— Да что было приглашать? — удивился Данилов с некоей долей притворства.

— Нет, — сказала Клавдия, — я на тебя в обиде, о вашем концерте говорят, а я на нем не была...

Чудецкий говорил, что, наверное, программу удастся повторить. Если не в Клубе медиков, то во Дворце культуры мукомолов. А может быть, и там, и там. Тут явился возбужденный Переслегин и стал повторять неистово:

— Музыку надо писать без оглядки! Без оглядки! Вы, Данилов, играли дерзко, без оглядки! И музыку надо писать без оглядки!

— Что значит без оглядки? — спросил Данилов, хотя и сам как-то произносил подобные слова.

— А то, что без оглядки! — сердито сказал Переслегин, как будто бы даже обидевшись на Данилова. И быстро куда-то ушел.

Позже Данилов ходил и повторял про себя: "Без оглядки! Естественно, без оглядки!"

Впрочем, без оглядки на что? Может, на что-то и следовало иметь оглядку?

Тут проявил себя критик Зыбалов, выступивший в одной газете, не самой интересной и важной, но все же из тех, что клеят на витринной фанере. Сочинение Зыбалова — или "реплика" — было небольшое, размеры его как бы подчеркивали незначительность концерта в Клубе медиков. Название оно имело укоризненное — "Кому предоставили сцену?" Зыбалов напористыми, ехидными словами отчитывал администрацию Клуба медиков, безответственно относящуюся к общественному богатству, а именно к сцене и залу. Ей, администрации, бы пестовать и показывать на сцене народные таланты, а она дала пространство и время неким предприимчивым музыкантам, у которых за душой ничего нет. Мимоходом упоминалось сомнительное и претенциозное сочинение некоего Переслегина. Вызывала тревогу Зыбалова культура, в том числе и общая, дирижера Чудецкого. А солист Данилов и не был назван.

Переслегин сразу сник, Чудецкий улыбался, говорил: "Этого следовало ожидать!", уверял, что все равно программу оркестр повторит.

Данилова расстроило отсутствие его имени в реплике. Пусть бы выругали его, но хоть бы упомянули. А так выходило, что он — нуль, даже не вызвал и тревоги Зыбалова. На следующий день поутру Данилову позвонил пегий секретарь хлопобудов.

— Владимир Алексеевич, — сказал секретарь, — вы не передумали?

Данилов был намерен нагрубить секретарю и сейчас же учинить что-либо хлопобудам, но он сдержал себя.

— В последние дни, — мрачно сказал Данилов, — у меня не было времени на подобные раздумья.

— Но я хоть надеюсь, на чтение статьи Зыбалова у вас нашлось время?

— Нашлось.

— Полагаю, вы оценили деликатность Зыбалова, — вашего имени нет в статье.

— Очень признателен...

— Мы ведь и дурного пока вам ничего не причинили, а только даем понять...

— Я и тогда вас понял.

— Но все могло быть иначе. И ваше имя могло бы теперь громко звучать.

— Сразу и громко?

— Ну а что же? Хотя бы в музыкальных кругах... А сейчас мне кажется, что упования Чудецкого повторить программу выглядят наивными...

— Вы уверены?

— Владимир Алексеевич, вы могли бы отметить, что сегодня мы вам совсем не хотим угрожать или там действовать на нервы, мы просто напоминаем о себе.

Пегий человек действительно говорил вежливо, не дерзил.

— Мы ведь вам пока совсем ничего не напортили, так, мелочи, мы решили подождать, — добавил пегий человек, при этом как бы с любовью к Данилову.

— Хорошо, — сказал Данилов. — Я подумаю.

— Когда вам позвонить?

— Через два дня, — сказал Данилов и повесил трубку.

И он решил пока подождать, а не пускаться в поход на хлопобудов. На будохлопов! Смелые, смелые, а его, видите ли, пощадили. Зато выместили зло — или проявили свои возможности — на неповинных Чудецком и Переслегине.

Наташа уже ушла на работу, и хорошо, что не слышала разговора с пегим человеком. Вчера она желала отыскать критика Зыбалова и высказать ему все, что она о нем думает. Данилов ее на вылазку не пустил. "Надо терпеть", — сказал он. Совсем к Данилову Наташа не переезжала. Не только потому, что не было смысла терять ее площадь, но и потому, что она не хотела перевозить из Хохлов в Останкино швейные машинки — электрическую и ручную. Да и каково было сойтись в однокомнатной квартире альту и швейным машинкам!

Нынче опять лег снег, температура была неожиданно минус восемь, Данилов решил покататься на лыжах. Он имел часа три.

Снег лежал такой, какого в эту зиму вовсе не было. А ведь дело шло к весне. На этот снег и наступать было приятно, он скрипел.

Данилов прошел километров пятнадцать вдоль заборов Останкинского парка, устал. Было бы со временем посвободнее, он отправился бы в любимые Сокольники. В здешнем парке было тесно, и прямо по лыжне бродили енсионеры. Но вот снег был хорош и в Останкине. Похоже, что в последние три зимы он так ни разу не скрипел. Когда-то, будучи молодым и беспечным, Данилов ради удовольствия устраивал в Москве прекрасный снег. С сугробами и морозцем. Теперь он как бы стеснялся прежнего озорства. И может, зря стеснялся, может, оно и сейчас, зимой, следовало бы ему пользоваться своими возможностями, москвичи соскучились по снегу и морозу, только обрадовались бы им, а в бумагах Канцелярии от Того Света, глядишь, ему, Данилову, поставили бы галочку за то, что его усилиями мороз крепчал. Может, какой-нибудь Валентин Сергеевич, скривившись, эту галочку и вынужден был бы поставить.

При мыслях о Валентине Сергеевиче Данилов расстроился, снял лыжи, связал их сверху и снизу бечевкой.

Хотелось пить. Павильон "Кофе — пончики" был закрыт, и Данилову через улицу Королева пришлось идти к автомату "Пиво—воды—соки". Данилов полагал, что встретит в автомате водопроводчика Колю и узнает, идет ли из Коли

дым. Однако Коли в автомате не было. Данилов быстро выпил кружку пива, взял вторую и понял, что взял зря. Но от усталости не смог сдвинуться с места, стоял, прислонившись к стене, и лыжи пристроил к стене же. Тянул потихоньку пиво. Смотрел сначала на рыжих тараканов, гулявших по полу возле мусорных ящиков, потом его заставили оглянуться чьи-то неприятные голоса. У соседнего стола возились подростки. На вид подростки — парни и девичьи — были самые что ни на есть местные щеголи, Данилов дал бы им лет по семнадцать. Все они были пьяны, то ли загуляли с утра, то ли продолжали вчерашние развлечения. Парней было пять, а девиц две. Тоненькие, крашенные, в шумном своем возбуждении, они были резвы, вертлявы, лезли к парням целоваться. Возможно, что лезли целоваться и не совсем к тем парням, к каким им полагалось лезть по сюжету их гуляния. Один из кавалеров — как и все остальные, под два метра, — с кудрями, вылезавшими из-под пышной лисьей шапки, и в клешах, дернув за рукав розовую подругу, крепко съездил ей по физиономии. У Данилова чуть пиво из кружки не вылилось. Парень и выругался, громко, некрасиво. Барышня заплакала, а кавалер, с которым она целовалась, вступаться за нее не стал, отвернулся и продолжил беседу с приятелем. Оскорбитель в лисьей шапке тоже включился в беседу. Барышня все плакала, слезы вытирала со щек белой варежкой. Потом она успокоилась

и стала целоваться еще с одним парнем, тоже, видно, из их компании. Этот парень даже на колени ее усадил. Кавалер в лисьей шапке двинулся к подруге, съездил ей по физиономии и опять вернулся в беседу. "Экие нравы у нынешней молодежи!" — печально подумал про себя Данилов. Пожилой мужчина, стоявший рядом с Даниловым, смотрел на юнцов с радостным любопытством и ждал новых событий. "Две девки-то у них на всю компанию, — сказал он, — мало..." А видно было, что, несмотря на некоторые недоразумения, компания дружная и хорошо гуляла. Барышни опять повизгивали от шуток приятелей. Впрочем, мило повизгивали. Мордашки у них были приятные. А приятели их и обнимали, и щипали, и гладили, при этом не искали рыцарских выражений, а говорили слова, какие лучше знали.

Один из парней подошел к Данилову, хлопнул его по плечу, сказал: "Отец, дай сигарету!"

Вообще Данилов, видимо, производил впечатление человека солидного и обеспеченного, у которого можно было попросить что-то и занять. Потому вскоре к Данилову подошли двое парней из компании и барышня. Кавалер с барышней в белых варежках остановились чуть поодаль от Данилова, а малый в лисьей шапке доверительно зашептал Данилову прямо в лицо: "Слушай, мужик, дай три рубля. У нас на вино не осталось. А то купи две бутылки вермута

литровые — и пойдем с нами. У нас девки добрые". "Молодой человек, — сказал Данилов, — отчего вы своих дам так дешево цените, всего по три рубля? Что же касается вашей просьбы, то я обойдусь без этой коммерции".

Если бы он просто послал малого подальше, тот бы отошел и успокоился, "интеллигентские" же слова Данилова его обидели, а может, и разозлили.

"Что?" — двинулся он на Данилова, чуть ли не схватил его за грудки. И кавалер с барышней сейчас же нахмурились и шагнули вперед. "Что! — заорал малый в лисьей шапке, пуговицы его кожаного пальто расстегнулись, белый вязаный шарф болтался по полу. — Да я тебя сейчас!.. Да мы тебя сейчас!.."

Мужчина, стоявший рядом, с радостным любопытством смотрел уже на Данилова.

"Всё, — сказал Данилов малому, — больше в разговоре нет нужды". "Ща ты увидишь нужду!" — зло произнес малый. А уж вокруг Данилова собралась вся веселая компания, еще какие-то решительные парни: сразу же присоединились к ней. "Бить будем!" — виделось на их лицах. "Пошли на улицу!" — приказал Данилову малый. Данилов никуда бы не пошел, но он сам понимал, что если потом возникнет какой-нибудь документ или, скажем, протокол и поплывет своим ходом, Данилову на службу, то место действий — пивной автомат — сейчас же поставит под сомнение нравственность Данилова. Пусть даже и поверят, что Данилов

прав, но некая мысль все же отложится. Работник культуры, а где скандалил... "Пошли", — вздохнул Данилов. Вышли на улицу — Данилов, а за ним и раззадоренная ватага юнцов, готовая Данилова растерзать, но, впрочем, пока ожидавшая какого-то сигнала, а может быть, новых слов Данилова. "А теперь во двор!" — опять приказал малый в лисьей шапке. Данилову было не по себе, казалось, от него теперь ничего не зависело, ватага волокла его, куда желала, злые, пьяные глаза пугали и не оставляли надежд, с тремя-четырьмя парнями Данилов еще бы справился, а этих было уже больше десяти, и барышни кричали воинственно. Данилов и нож разглядел справа в лихой руке... Тут Данилова остановили. "Гони десять!" — крикнул малый. "Цены, стало быть, повышаются?" — сказал Данилов. Тяжело дались ему эти слова. Он и на самом деле был напуган. "Ах ты, сука, замолчи!" — закричал малый, схватил Данилова за отвороты куртки. И свора сбилась плотнее. Лыжи упали из рук Данилова. Данилов оттолкнул от себя малого и сдвинул пластинку браслета.

Прохожие люди и зрительницы из окон, только что ожидавшие увидеть происшествие, удивились повороту событий. Не только не случилось смертоубийства, но, казалось бы, вот-вот должно было начаться взаимное сердец лобызание. Барышням Данилов вернул невинность, и теперь они, ощутив приобретение, стояли печальные, строгие, будто попавшие в

чужую жизнь, а на Данилова смотрели глазами Веры Холодной. Парни получили взгляды работников детских комнат, во всем сейчас желали видеть нравственный порядок и совершенство душ. Они с извинениями кинулись поднимать лыжи Данилова, но на всех лыж не хватило. Естественно, не осталось при них и запаха спиртного, а про пивной автомат они думали с негодованием. Данилов пожалел, что сгоряча лишил парней причесок, это было мелким самоуправством, неостроумным к тому же, хорошо хоть клеши он не обузил, не превратил кримплен в шинельное сукно и не отклеил у барышень ни приставных ресниц, ни дорогих платформ. Да и что он напал на прически-то! Стало быть, растерялся, коли сразу принялся переделывать личности изнутри и снаружи. Стало быть, воля его производила действие какими-то судорожными усилиями. Нервы, нервы... А надо было держать себя в руках. Если при таком пустяке сплоховал, как же выдержит испытания, какие у него впереди!

— Не буду вас задерживать, — сказал Данилов.

Уходя, он все же взглянул на стоявших в растерянности барышень, пожалел их. Барышни сейчас были миленькие. "Ладно, — пообещал Данилов, — так уж и быть. Я прослежу... Однако пусть пока попостятся". На всякий случай он выяснил, какая невинность была им возвращена барышням — вечная или временная? Выходило, что временная, сроком не более чем на три года.

Но сразу же Данилов получил дополнительную информацию. Временная-то временная, однако ни один мужчина, кроме него, не смог бы и по истечении срока отменить его постановление. "Ну идиот! — выругался Данилов. — Попал в историю!"

Он и дальше шел, ругая себя. Какое он имел право навязывать незнакомым юнцам и девушкам чужую судьбу! Да и при чем тут знакомым или незнакомым! Но что ему оставалось делать? Данилов и ответить себе на это не мог. Положил, что потом во всем разберется. Однако опять пожалел барышень. Вздохнул. Придется ему постараться, чтобы они век в девках не задержались. Ладно хоть на вид они были не слишком противными. Наоборот...

Подойдя к дому, он вспомнил статью критика Зыбалова. Хорошо еще, что вчера он не погорячился, как нынче с юношами, и не ответил Зыбалову в газете этак же, сдвинув пластинку браслета. Да и в чем виноват Зыбалов? Проявил себя верным движению хлопобудов. И все. А может, он и искренне писал заметку, может, и впрямь плохим музыкантам была предоставлена сцена и зал Клуба медицинских работников? Впрочем, так оно или не так, но сами хлопобуды раздражали Данилова. Хлеще прежнего раздражали... Однако следовало пока терпеть...

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

19

Сидели, притихнув или устыдившись, и будто ждали теперь укоров или даже березовых розог, оберегали зажженные свечи. И похоже, были напуганы. Порой шептали что-то. Или молились. Среди прочих тихих слов Шеврикука (а он из опасения быть раздавленным на лестнице из таракана переоделся в дроздофилу, в подвале же

пожелал стать пауком) услышал и на русском: "Сюда бы сейчас Всемирную Свечу. Да, Всемирную Свечу..." Слова эти Шеврикука поразили.

Всемирная Свеча! По случайности ли было сказано так? Или это произнес человек знающий? И произнес не зря? Памятны были Шеврикуке впервые высказанные народу фантазии (или мечтания?) о Всемирной Свече, памятны были и страшные события, вызвавшие эти фантазии. Лучше было о них не помнить. И не надо было помнить, что недавно Всемирная Свеча встретила ему в бумагах Петра Арсеньевича. Шеврикука приказал себе забыть о Всемирной Свече. И более о ней никто не шептал и не шутил.

Пауком Шеврикука провисел поначалу на короткой нити у опорного столба с опалубкой. Обустройству уделил секунду. Но нашлось время и сплести сначала гамак, потом беседку с кружевами и узорами, а потом воздушный замок со смотровой башней. Плести паутину приходилось от скуки. Так он говорил себе.

Привидение не являлось.

Дударев в подвалах вел себя тихо, лишь раз деликатно высказался о том, что без сгущения полей и энергии все равно не обойтись и надо набраться терпения.

А публика тем временем опять стала нервничать. Хотя чувства выражали здесь шепотом и с опаской. Испорченным телефоном передавали Дудареву, как несомненному

авторитету, вопросы и простодушные желания. Где оно может появиться и в каком виде? Будут ли звуки? Возможно ли общение с привидением и если да, то каким способом. Включены ли в программу эротические сцены и позволительно ли в них участие? Пользуется ли привидение туалетом или в нем совсем прекращен обмен веществ? А если пользуется, то где этот туалет и будет ли он доступен зрителям, и за какую плату? И так далее. Некоторые егозили, вертелись на лавках и не только спрашивали, но уже и давали советы. Одна из деловых дам позволила себе даже съехидничать, поинтересовавшись, не придется ли привидения выклянчивать. И пошли советы, как привидение вызвать. И духов, если не откликнутся. Либо заклинаниями. Либо шаманским камланием с бубном. Либо приношением жертвы. Добыть животное, хотя б и кота, а в крайнем случае - пса, таксу или пуделя, прибить его в магическом месте гвоздями к чему-либо деревянному, чтобы были лужа крови и стенания под сводами. Дударев эти предложения отверг как неприемлемые, сославшись на особенности московской духовной жизни. Сообщил лишь, что звуки и стенания возможны, но внятных слов и тем более фраз от привидения никто не слышал. Общаться оно, если пожелает, станет знаками. Тут Дударев поднял руку со свечой и произнес:

- Тсс-с-с!

"Что? Где? Ой! - вскрикнула одна из дам. - Вон! Там!" - "Что? Где? Где? Что?" Заходили,

задергались огоньки свечей, возникло колыхание стен, они задергались тоже, поплыли куда-то, вправо, влево, вверх, вниз, в глубины земли. "Вон! Вон! Оно наплывает, оно невесомо-нежное, оно в бурых пятнах!"

- "Где? Где? Где в пятнах?"

- Тсс-с! - раздалось снова. Нижние палаты дома Тутумлиных (теперь - подземелье) для гостей были черны, зловещи, неведомы, не измерены. Шеврикука их узнал и измерил. Они были велики. Веками в них хранили припасы, товары, оружие. В последнюю войну в них устраивали прачечную для ближних госпиталей. Чем только позже не захламляли и не позорили палаты! В них и теперь после долгих мучений реставраторов лежал хлам. До безобразия необязательный. Грифы, блины штанг, мишени для пулевой стрельбы - от домашних атлетов, запрещенных вмиг. Брошенные сантехниками, чтоб далеко не волочь, ванны, унитазы, радиаторы, дырявые и ржавые. Рваные татами, подстилки для юных балбесов. Остатки трапез и меланхолических бесед забредавших сюда по случаю бражников. Теперь во мраке объявленного Дударевым сгущения полей и энергий подземелье для гостей было пространством тайны.

Голоса, указующие: "Вон оно! Вон! Там!" - затихли. Колыхание теней, блуждание световых пятен по стенам, по граням столбов, по выпуклостям сводов, будто втягивающее всех в черное небытие, возбуждало беспокойство, а то

и страх. Там, между столбов и за ними что-то оживало, шевелилось, разбухало, протягивало к сводам лапы и вот-вот, уродливое, жадное, несытое, могло двинуться к деревянным лавкам. Шеврикуке — и тому мерещились там уродины и призраки. Присутствие же Гликерии не чувствовалось. А Шеврикука уже и сам нервничал. Скверно становилось ему. Нет, Ужас, испытанный им при последнем визите в Дом Привидений, пока не приходил. Но что-то явно было обещано неладное. Что-то приближалось, мрачно-неуклюжее и осерчавшее.

Полпрефекта Кубаринов тыкал Дударева начальственным жезлом, недоумевая в связи с задержкой выхода и показа и требуя от Дударева и привидения профессионального соответствия. Дударев, чьи жесты и позы выражали крайнюю растерянность, бегал за столбы и по возвращении что-то шептал в ухо полпрефекту. Ехидная деловая дама, теперь, правда, заикаясь, предложила известным ей способом на плитах пола выстроить свечами, ножами и всеми драгоценностями, какие есть, мистический круг и приманить в него привидение. Опять же и магическими танцами. С раздеванием и эротикой. Можно было считать и это приношением жертвы. Магические танцы и прежде отвергались. Сейчас же прозвучал нервно-зыбкий, с дрожью, смешок неприятия. Нервный и с дрожью - понятно отчего. Смешок же неприятия явно относился к пожеланию

устилать сырые плиты пола драгоценными камнями и металлами.

Новые упреки разгневанного уже полпрефекта выслушивал Дударев, и тут метрах в десяти от него и от Шеврикуки нечто взорвалось, зазвенело, потом взорвалось еще дважды, гулом покатилося в черные углы, к теням, уродинам и тварям, седым дымом поплыло к деревянным лавкам, заставляя гостей чихать, кашлять, тереть глаза, а на стене напротив заплясали цветочные пятна, малиновые, лиловые, оранжевые, и - Шеврикука подумал сначала, что ему показалось, но нет, так и было в яви - то ли из стен, то ли из сводов проистекли музыкальные звуки, чрезвычайно дальние и как бы ненамеренные. Шеврикука услышал английский рожок, гобой и челесту. Цветочные пятна исчезли, а в черноте возникло бледно-белое свечение, оно медленно стало разрастаться и превратилось в нечто протяженное, по линиям - схожее с человеческой фигурой. Да, конечно, там в стене или за стеной стояла женщина. Или подобие женщины. Бледно-белая фигура тихо уплотнялась, приобретая формы искомой реальности. Теперь она стояла изваянием, будто бы навечно утвержденным на незримом пьедестале. Рука изваяния поплыла вверх. Женщина оживала. Покорно или печально склонилась к левому плечу ее голова. Дернулись, но потом плавно, словно в подводном сне, стали двигаться ее плечи, руки,

бедра, ноги. Открылись глаза. И снова - черная стена. И тишь.

Но сейчас же - возобновление дальней музыки. И, лишь на секунду отменяя ее, - взрыв, с грохотом, с дымом. И световая вспышка. А в этой вспышке - явленное привидение.

Гликерия удивила Шеврикуку. Как она могла допустить то, что происходило в ЕЕ доме?!

Вдоль стены, а может быть, и внутри нее образовался свето-цветовой коридор, опять с малиновыми, лиловыми и оранжевыми пятнами, скорее всего, имеющий энергетические границы; в нем и путешествовало привидение. Умолкла челеста, вместо нее скромно, тоже из глубины стен, вступил ударник и томно стала грезить гавайская гитара. Не из-за настройки ли световых и музыкальных установок и произошла задержка привидения? Освещали привидение хитроумным способом, оно и при яркости мелькавших вокруг цветowych пятен пребывало в тумане, в клочьях облаков, по облакам ступало, подробности же его (ее) лица и тела рассмотреть было затруднительно. Но постепенно подробности эти стали проступать. Женщина плавала в грезах просветляемого покровского бытия привлекательная. Но отчего явилась не Гликерия? Неужели Гликерия воспротивилась и ее заменили? Кем заменили? И Гликерия вовсе не была прохладная, тем более ледяная, а уж особа, плавающая нынче в грезах, Шеврикука чувствовал это, вовсе пылала жаром. И не потому, что на ней были

вигоневый салоп (догадались летом-то!) и плотная накидка, скрывающая лицо, а по причине общей пылкости натуры. Нет, и Гликерия умела быть пылкой. Но не в служебные часы. Теплый салоп, впрочем, был сброшен, и обнаружилось обнаженное плечо, смуглое, гладкое. "Да это же Совокупеева!" - Шеврикука в волнении чуть было не порвал паутину. Но он мог и ошибиться. Проявился в лочьях тумана и наряд, назначенный привидению для ночной прогулки. Похоже, это был пеньюар, и явно из нынешних магазинов. Пеньюар подобрали легкий, но движения привидения порой выходили стесненными. Тело привидения Шеврикука узнавал. Однажды ему в нетрезвую голову зашла мысль о том, что тело это сложено из ядер, способных разорвать любые тряпки. Но открыл Шеврикука и иные причины сегодняшних несвобод Совокупеевой: исторический корсет под пеньюаром - от предгорий груди и до бедер - и ватные валики, эти для пышности. Привидение сбросило накидку, откинуло голову и застыло. Лиловый, надо полагать, исторический парик был увенчан шишаком Минервы. Хороша стояла Совокупеева, хороша! И второе плечо свое привидению удалось высвободить и предъявить публике. И все поняли: не то что хороши, а роскошны были явленные шея и плечи. А какова распирала пеньюар грудь!.. Нет, Шеврикука не имел ничего против Совокупеевой. Наоборот. Но какое она имела

отношение к дому на Покровке? И он сразу стал обнаруживать в привидении изъяны. "Пеньюар-то этот, да и туфли, и не туфли, а штиблеты - небось из Военторга! - возмущался Шеврикука. - А серьги, а браслеты! Ясно, чужие и со стекляшками! А зад какой! Откуда у привидения такой зад!" Чувствовал, что лицемерит: и зад Совокупеевой в своем роде был хорош, и не всем привидениям выпадало жить несчастно-духовно-воздушными. Но возмущался. Сейчас этих надувателей, этих врунов, предполагал, освищут. А то и в очи им плюнут.

Но ошибался Шеврикука.

Гости были чуть ли не в восторге. Ни от чего не пострадав и снимая гнет примявшего их ожидания, они сначала с опаской, а потом и в полную силу ладоней приветствовали привидение, тем более что оно, будто бы строптивое, выглядело теперь благонамеренно-доступным. Вызнав, что привидение зовут Александрина или Александрин, просили - через Дударева - милую Александрин прогуливаться и танцевать. Она и прогуливалась, и танцевала, и делала это грациозно, но как бы и во сне, а когда решилась исполнить русского и скинула руку с невидимым платком, ойкнула, чуть ли не застонала, лицо ее исказилось (Шеврикука обрадовался: Совокупеевой впился в пленительный бок китовый ус корсета, и по справедливости впился). Желали задать вопросы потустороннему знанию, иные щепетильные, иные о проблемах полов, но

Дударев вскочил и умоляюще-требовательно приложил палец к усам: никаких звуков, привидение безмолвно. Поднялся полпрефекта Кубаринов, довольный и экономически состоятельный, и предложил в честь успешного прохождения церемонии опрокинуть по стакану ликера шартрез из коллекции графьев Тутумлиных. На столике вывезли бутылки с жидкостью безупречно зеленого цвета, световой луч превратил их в гигантские изумруды и устроил шелестящий сад на стене. "Браво! - вскричала публика. - Браво!" Разлили ликер в стаканы, один установили на столик и плавно направили столик к привидению. Привидение Александрин застыло на мгновение ("ах, ах, как грудь вздымается и трепещет"), созерцала нечто внутри себя или испрашивала, как быть, можно ли при исполнении, затем дружелюбно поклонилась обществу, нежными, но видно, что и крепкими, пальцами взяла стакан с напитком альпийских монахов и поднесла его к влажным губам. Тогда и раздалось под сводами:

- Стерва! Самозванка! Лжепривидение! Добралась и до напитков! Наши ликеры хлебать! Ну уж это кукиш!

И существо, скорее всего также вышедшее из стены и совершенно нескрываемо для публики обладавшее женским телом, напало на Александрин. Оно, удерживая под мышкой левой рукой собственную голову, правой же,

выбившей на пол стакан с шартрезом, пыталось сорвать с Александрин шишак Минервы и исторический лиловый парик. И сорвало.

- Самозванка! Шартрезы коллекционные хлебать!

"Дура! Башку нацепи! - хотел было посоветовать Невзоре-Дуняше Шеврикука. - Посмотри, на кого в бой-то пошла!" Но Невзора-Дуняша была не глупее Шеврикуки. Облик для явления она приняла не в спешке, а с целью должного устрашения. Теперь же она вмиг укрепила голову на отведенном природой месте, двумя руками вцепилась в прекрасные волосы самозванки и опрокинула ее на сырые плиты. "А может, она и не самозванка?" - засомневался Шеврикука, как бы даже и сострадая Совокупеевой. Но вряд ли Совокупеева нуждалась в его состраданиях. При виде женщины с головой под мышкой она, конечно, растерялась и дала уронить себя на пол, но сразу же пришла в себя и взъярилась. Взъярилась и Дуняша. В особенности ее задели нелестные отклики на ее явление полпрефекта Кубаринова и мужиковатого японца. "А вы-то чего суетесь!" - воскликнула она, оставила Совокупееву, выхватила у Кубаринова жезл, гневным ударом по лбу уложила полпрефекта под лавку, жезлом же перебила все стаканы, не тронув бутылей тутомлинской коллекции, нанесла удар японцу, тут же предложившему ей

мирный договор, погнала латиноамериканца в угол к шевелящимся уродинам, разодрала свитер филадельфийского мультимиллионера и только тогда вернулась к самозванке. Та уже была на ногах. Но ради того, чтобы принять боевую стойку, Совокупеевой пришлось воевать с предметами туалета, призванными служить грации и красоте, то есть с упомянутыми уже корсетом из китовых усов, ватными валиками и еще, как выяснилось, ватной же нижней юбкой. Треск раздираемого корсета не мог сравниться с битьем посуды и лба полпрефекта, но кем-то и он был услышан. Всего же, мешающего ей, Совокупеева не успела сбросить, и лишь в сражении с обидчицей к ней пришла свобода от всех стеснений. Вряд ли вы, конечно, помните, но мне однажды пришлось сообщить, что Невзора-Дуняша производила впечатление особы крепкой, здоровой, знакомой с крестьянскими работами. При этом не казались грубыми ее крупные руки и крупные же, в ступнях и в подъемах, ноги. Нынче она посчитала нужным обойтись без украшений и без одежд. Но поправлюсь - почти без одежд. Нечто белое, полупрозрачное, ее все же окутывало, меняло формы и свойства, то это были ленты, то - набедренная повязка, то - широкий кушак, то чуть ли не туника, все прелести воительницы были видны публике, но соблюдались и некие приличия. Я откровенная, как бы заявляла Невзора-Дуняша, но не бесстыжая. Впрочем, явившись разоблачать

самозванку, она менее всего думала о том, будут ли у нее зрители или не будут. Шеврикука это знал. И у Совокупеевой теперь тоже не было дальних мыслей, и ее "фламандские" бока и бедра оказались прикрытыми лишь лохмотьями пеньюара, корсета и стеганой нижней юбки. Жезл полпрефекта Дуняша со скрежетом зубовным, чуть ли не зарывав, сокрушила о колено, швырнула обломки в темноту и пошла на Александрин. Сразу же выяснилось, что оба разъяренных привидения не отстали от требований века и хороши не только в русской рукопашной, но освоили приемы восточных единоборств, кикбоксинга и кеча. "Экие героини сошлись! - радовался Шеврикука. - Эко у них ноздри раздуваются!" "Будешь чужие шартрезы кушать!" - кричала Невзора-Дуняша и била самозванку ногой в челюсть. "Щ-ща-ас ты у меня взвоешь!" - отвечала Совокупеева, излечиваясь от немоты и норовя кулаком левой попасть Дуняше в солнечное сплетение. "И побрякушки фальшивые! Позоришь профессию! - Невзора-Дуняша срывала с самозванки серьги, рвала цепочку медальона. - Что ж ты, стерва, не завела на груди блошиную приманку! Тебе бы пошла!" "Да я тебя сейчас! - ревела Совокупеева. - Вражья сила!" А после собственных усилий и захватов Дуняши все вериги - остатки пеньюара, корсета, нижней юбки - опали, и Совокупеева стала совершенно свободной, лишь при браслетах у запястий и в лакированных туфлях. "Пожалуйста! - басил

японец. - Без кимоно! Александрин! Перл-Харбор! Пожалуйста!" - "Ставлю на новенькую мучачу! - выскакивал с бумажками в руках латиноамериканец. - Один к трем!" При гвалте публики, возможно уже жаждавшей крови, исчез свет. И сейчас же под сводами вызвездилась Гликерия. Сияние длилось недолго и превратилось в ровное свечение.

Гликерия никуда не спешила, никого внизу не искала. Просто шествовала под сводами. Что было опорой для ее ног - не имело значения. И не выглядела Гликерия пленницей луны. Глаза ее были открыты и разумны. Но никто внизу ее не занимал. Хотя как знать. Верхняя, чуть пухлая губа ее была надменно приподнята, а в глазах ее Шеврикукой угадывалось лукавство, не слишком доброе. Может, и просто недоброе. По сюжету ночного появления Гликерия могла бы надеть чепец, просторный пудермантиль и войлочные плоскоступные туфли. Могла бы держать у сердца романтическое послание или книгу с историей Поля и Вирджинии. Но нет. Гликерия - вырядилась. Голову ее украшала диадема. Волосы были уложены на античный манер и завязаны сзади пучком. Платье, выбранное Гликерией, украсило бы ее и на балу (две тафтяные мушки, наклепленные ею, не противоречили этому предположению), уместным оно было бы и в случае приема у себя милых друзей с домашней музыкой и сочинением стихов в альбом. Платье, льющееся долго, до каблуков, было светло-кремовое, из

туалю, с рукавами-буфами до локтя, высокой талией и, естественно, откровенным верхом. В руке Гликерия держала перламутровый веер, — ей ли не знать, что ночное собрание на Покровке могло пройти в духоте. Рослая, тонкая в кости, Гликерия никак не производила впечатление чахлого, болезненного создания. И она была в соку. И не походила ни на страдальцу, ни на жертву. Проницательные скорее могли учуять в ней силу, и опасную. И было очевидно, что она первым двум привидениям не ровня. Отлична от них и осанкой, и породой, и нитью судьбы.

"И я ей не ровня, - подумал Шеврикука. - И нити наших судеб из разной пряжи..."

Вновь были высвечены боевые особы, чей вид в пылу сражения еще не утерял привлекательности, головы их были прижаты друг к другу лбами, руки хватали за уязвимые места, ноги пытались производить подсечки и удары по корпусу (туфли Александрин сбросила), дамы ревели, рычали, возбуждали себя криками устрашения. Щелкнул веер над ними, и они застыли. Потом Гликерия легонько стукнула сложенным веером по ладони, будто обращая на что-то внимание. Лучи ее диадемы рассекли черные углы и тайны нижних палат Тутумлиных. Гликерия повернула руку, перстень на ее пальцах блеснул золотом. Золотой удар чуть не сжег паутину, державшую Шеврикуку. Невзора-Дуняша и Совокупеева глядели на Гликерию. Совокупеева с интересом, но и насупясь, Дуняша с обожанием, с гордостью

верной сподвижницы, пусть для кого-то - и прислуги. Она будто забылась, пальцы расслабила, отпустив волосы Совокупеевой, открытую ладонь подняла к небесам, к Гликерии, призывая самозванку к благородным действиям: мол, опомнись и рассуди, кого отважилась заменить. Жест Дуняши был истолкован превратно. Или никак не истолкован. Совокупеева захватила расслабленную Дуняшину руку, рванула ее на себя и швырнула Дуняшу через бедро, заставив сведущего в приемах японца оценить бросок одобрительным криком.

Сразу же началось невесть что. Свалка, потасовка, катавасия, хождения по головам, битье предметов, физиономий и стен. Шеврикука, изначально положивший себе ни во что не вмешиваться, был вынужден все же участвовать в мелких событиях, хотя бы из побуждений уберечься и по возможности себя не обнаружить. То, что происходило в нижних палатах, а потом и во всем доме, дворе и на улице, не всегда оказывалось доступным любознанию Шеврикуки. Случались и скачки в восприятии им ночной действительности, ее перепадов и беспричинной неосторожности. Но кое-что он видел. О прочем узнал.

Понятно, что вероломный бросок через бедро Дуняшу мог лишь раззадорить. Она вскочила, оттолкнула Совокупееву, заграбастала японца и им, как бревном, стала шевелить публику. Японец ей сейчас же надоел и был отпущен на

пол. Но уже дрались сторонники привидения Александрин со сторонниками Невзоры-Дуняши. И все остальные дрались неизвестно из-за чего и неизвестно с кем. Толкались, бились, стервенели, крушили, рвали материю, кричали, ругались, над всем, на стенах, вновь плясали цветные пятна. Ухали петарды, полз дым, щипало глаза. По лестнице в нижние палаты ворвалось новое воинство, возбужденно-радостное, будто пробилось не в подземелье, а одолело стены Измаила и получило город на три дня. Выкрикивались при этом и отчаянно-обличительные слова. То были жильцы коммунальных квартир дома на Покровке. Видно было, что их подняли из постелей, но трое предводителей были вполне одеты. Среди них, к удивлению Шеврикуки, оказался Сергей Андреевич Подмолотов, Крейсер Грозный. Он размахивал Андреевским флагом и кричал:

- Но народ не унывает!

Его боевые сподвижники провозглашали требования: "Верните привидение! Долой лжехозяев! Отдайте привидение народу, паскуды!" Но в последних словах явно слышались ноты неверия в свои свободы и муниципальную справедливость. Сергей Андреевич, Крейсер Грозный, выяснилось позже, посещал на Покровке приятелей, флотских, с ними он вспоминал императора Хайле Селассие, поход под Африкой в Парагвай

и преждевременную смерть капитана Флинта на Сандвичевых островах. Закусывали. Сели в девять вечера. Растворяли братские чувства. Начали с "Варяга". Исполнили "В тумане скрылась милая Одесса" и только затянули "Последний матрос Севастополь покинул", как снизу стали мешать вокальному искусству. Надо было разобраться с безобразием. И оказалось, что безобразие до того глубоко и обширно, что требовалось поднимать жильцов с коек и свистать всех вниз. Все уже отняли у жильцов, и ум, и честь, и совесть, и хлеб, и кефир, отнимали квартиры, а теперь взялись за привидение. Жильцы спросонья поняли, что привидение, пусть являвшееся к ним и не всегда внятно, - их, и ничье более, бедная девушка, изведенная извергами, но и ожившая, ими, жильцами, вскормленная, взлелеянная, воспитанница, почти родное дитя. Теперь ее хотели погубить вновь. И не только погубить, но и заработать на погублении чужого имущества. А если иметь в виду приглашенных иностранцев, то и нанести культурный ущерб Отечеству. Шеврикука не исключал, что к жильцам примкнули бомжи и просто посторонние личности. Потасовка стала совсем свирепой, в ход могли пойти и ножи. А Пелагеич спал. Или хоронился в трущобах запечья.

Полотнище флага Крейсера Грозного сорвали, похоже, и растерзали, но ничто не могло остановить отважного останкинского морехода, голос его гремел громкопобедно.

Крейсер Грозный размахивал древком флага, толстым, как дубина, и рвался освободить привидение. С криком "Народ не унывает!" он сокрушил оказавшегося на его пути японца, на всякий случай прокатил его по полу, огрел следующего. Следующим был Дударев.

- Ба! Дударев! И ты здесь! - обрадовался Крейсер Грозный. - Где привидение?

- Вон привидение... - вяло сказал Дударев, обессиленный и измученный.

- Это Совокупеева! - захохотал Крейсер Грозный.

- Это привидение, - пробормотал Дударев и упал. Последние его слова прозвучали завещанием: - Наше при... Защити его.

Наводить справки, какое привидение имели в виду коммунальные жильцы, Крейсеру Грозному было не у кого, боевые сподвижники его, наверное, одолевали противника на флангах. Крейсер Грозный с ревом, нос трубой, двинул вперед. Наткнулся на Совокупееву и чуть не разбился об утес ее плеча.

- Совокупеева! Ты чего голая? Ты привидение, что ли? Вся в синяках. Это тебя, что ли, хотят угнать в рабство?

- Тише... тише... - зашептала Совокупеева. - Какое рабство! Не гогочи! Да, привидение. Из-за этой растеряхи Леночки Клементьевой. Да... Вон те, две, нам вредят... Самозванки!

- Ладно! - вскрикнул Крейсер Грозный и взмахнул древком. - Вот те две? Да это разве привидения? Это же бабы!

При этих его словах началось новое нашествие в нижние палаты Тутомлиных. Разобрав, расколошматив, разбросав доски, оставленные реставраторами в дверных и оконных проемах охраняемого государством памятника, в подвалы ринулись городские жители. По большей части - зеваки. После салюта с шутихами они окружили дом и, рты раскрыв, будто фанатики шахмат следующего хода Каспарова, ожидали сообщений о ночной прогулке изведенной покровской девы. С ними доверительно беседовали стражи порядка. Но не все там были бескорыстные зевачи, не все. Стоял и жужжал, выражая недовольство устроителями, уже упомянутый мужчина-бузотер с кофром. Вернулись, выгрузив добычу, и многие другие дневные гости дома. Вдруг и вечером что-нибудь отсыплется. Проходил мимо и остановился молодой человек с рюкзаком и альпенштоком. И надо сказать, стоять было интересно. Сообщения о ходе прогулки привидения поступали постоянно и самые невероятные, от них дух захватывало, а рты открывались все шире и шире. "Это та, которая, помните, стреляла в великого князя..." - "Нет. Та из Лялина переулка. Это которая разбилась на стратостате Осоавиахима..." Потом разнеслось: "Их три! Раздают иностранцам!"

Делят!" А уж когда очевидным стало, что привидения могут поделить окончательно и ничего не достанется, увлекая за собой милиционеров, ринулись в оконные и дверные проемы, потому как иначе жить дальше было нельзя.

При общей толкотне и свалке у Шеврикуки вдруг начались перебои сознания. В нем самом причин для них не было. У кого он мог вызвать возражения и кому могло оказаться неприятным его присутствие? Неужели он, Шеврикука, имел неверное понятие о домовом Пелагеиче? Вряд ли. Воздействовать на него принялась сила, Шеврикуке неведомая. Этой силе пришлось противиться, она была настырна и неумолима. Не одно уже любознание удерживало теперь Шеврикуку в доме Тутомлиных. Гликерия перестаралась. Платье ее, да еще со шлейфом, было хорошо для хождений над публикой и в замороженных стенах. Но ликерия спустилась выручать Дуняшу. Ее могли и затоптать. Хорошо хоть набежавшие сверху и с улицы не знали, кто здесь привидение, кого сдают в аренду и кого делят, к тому же все они очень скоро в месиве толкотни стали частицами общего дурева, сами по себе ничего не значащими, они желали лишь устоять на ногах и дать по роже, кому - в ответ, кому - на всякий случай.

Шеврикука вовсе не собирался встречать во что-либо, да и не мог, однако теперь его тянуло быть поближе к Гликерии. "Не буду я ей ни в чем

способствовать! Еще чего!" - говорил себе Шеврикука, но его тянуло. Пребывал он еще пауком, стал энергично удлинять паутину, по камням свода передвигаясь к Гликерии, попавшей в осаду. "Ну и попала в осаду, возьмет и уйдет куда хочет, сквозь стены, сквозь людей. Сквозь меня!" Ворчал, а сам двигался. Тут его и взяли в оборот, стараясь вовсе погасить в нем сознание. Но не смогли. Однако на время затухли впечатления и поступки Шеврикуки. Вот-вот он видел Гликерию уже рядом, бровь ее рассечена, струйка крови бежала по щеке. "Это у Гликерии-то кровь?" - успел удивиться Шеврикука, и - темнота... Вот он снова живет и действует, несется по тесаным камням, но Гликерии под ним нет. Шеврикука остановился в растерянности, оглядел "Ходынское поле". Все та же толкотня продолжалась под ним. Никем не остановленные осветители и пиротехники (или кто там занимался эффектами у Дударева?) не утихомирили пляски цветных пятен, да еще и швыряли дымовые шашки и петарды. Полпрефекта Кубаринов взывал к законодательной власти. Крейсер Грозный опять колошматил древком неуспокоенного японца, повторявшего: "Привидение Александрин! Перл-Харбор! Пожалуйста!" "Я тебе покажу Александрин! - воодушевленно гремел Крейсер Грозный. - Я тебе покажу Перл-Харбор!" Молодой человек с рюкзаком на спине, спешивший днем в Сверчков переулок на

собрание скалолазов, с альпенштоком в руке ползал теперь по опорным столбам и сводам, крошил камень и направлялся к Шеврикуке. "Придется его сдунуть, - прикидывал Шеврикука, - не то ведь задавит. А он цепок". Но, усилив свою чувствительность к предметам и существам, недружелюбно настроенным к нему в предпотолочье, Шеврикука вдруг открыл, что в поход на него двинулись насекомые из разных закоулков дома. Уже приходилось обращать внимание на легкомыслие Шеврикуки. Занявшись якобы от скуки плетением кружев, беседок и замков, он будто и не держал в голове мысли о местных постояльцах. А ведь слышал сегодня напоминание о том, что изверг Бушмелев был здесь зверски и до смерти заеден насекомыми. Толпа пауков с клопами в психической атаке шла прямо на Шеврикуку. Этим передовым смельчакам не повезло. Молодой скалолаз с альпенштоком, стремясь к вершине, прополз по своду мимо Шеврикуки, не задев его, зато недругов кого раздавил, кого осыпал в бушующую внизу толпу. Погибших сменили новые бойцы, угрюмо приближались к Шеврикуке. Рядом возник прыткий, заскочивший с тыла паучок. Шеврикука хотел было сбросить его в толпу, но услышал: "Не пропадем. Я при вас. Не пропадем". И будто бы голос знакомый. "Пэрст, а ты здесь откуда?" - спросил Шеврикука. И снова - темнота...

Далее он сидел в освещенной комнате, похожей на гримерную. Он был уже не паук, а

имел человеческий облик. А может быть, он сидел никакой, невидимый. Во всяком случае, барышня, рыдавшая перед зеркальной створкой, его не видела. Но она и никого не видела. Барышня эта была Елена Клементьева, музыковед, обожавшая Митеньку Мельникова. И Шеврикука понял: это ее по причине хрупкости, мечтательно-влюбленного взгляда, белизны щек и плечей назначили привидением. А она не оправдала доверия. На стульях вокруг нее лежали кофточки, ночное белье, нижние юбки, ленты, шляпы, на полу колоколом стояло платье роброн будто с полотен Левицкого или Боровиковского. Совокупееву, видимо убиравшую Леночку к выходу, в интересах дела отправили к публике привидением, притом в случайном и сборном костюме. Или она сама вызвалась стать привидением в отчаянии и кураже. "Вы, Леночка, не расстраивайтесь, - сказал Шеврикука. - Митенька вас не видит. Вы еще услышите полет шмеля". "Кто здесь? - вскрикнула в испуге Клементьева. - Кто вы?" И опять - темнота... Потом хождение в узких, кривых коридорах. Лабиринт, убежище утомившегося повесы-коллекционера?.. Чьи-то тени. Чьи-то блудливые глаза. Неужели Продольный? Этот-то здесь каким образом? Останкинские и вообще не должны были бы попасть на Покровку. А с Продольным рядом и так называемый дядя, мордоворот и атлет, уполномоченный Любохват. Зачем они здесь? Какие у них интересы? Неужели у них есть

интерес и к привидениям?.. А это кто? Бордюр? Где он? Рядом? Или в нем, в Шеврикуке? Или нигде? Нет, кто-то сдавливает его плечи. По-приятельски, но и назидающе властно: "Успокойтесь, Шеврикука. Да, и мы здесь. А где же нам быть? Но успокойтесь. И остыньте". И снова - провал в темноту... Он, Шеврикука, в подземелье с низким, плоским потолком. Ледяная декабрьская стужа. Кости и черепа в углах. Узилище Бушмелева или застенки иного столетия? Сам он проник сюда или брошен, заточен навечно? Похоже, сам... Но сейчас откроется люк в потолке и спустится к Шеврикуке вырвавшийся, наконец, из оков проклятий свирепый дух Бушмелева. Вот его гремящие шаги... И опять - свалка в нижних палатах. Вдруг и впрямь вырвался на волю свирепый дух? Неужели никто не слышит его мстительный рык? Его, упрятого, скованного, будто укрощенного навсегда, возбудила, растревожила, взбеленила дурная людская свара. Как бы не воссоздались и не ожили в нем гордыня и угрюмый зов злого помысла. Неужели никто не чувствует, что он уже раскачивает дом, что в дико-могучем порыве жаждет разнести, разломать, изувечить все и всех? А уж пауков, а уж насекомых, тех в первую очередь... "Да что это я? Что со мной происходит? - недоумевал Шеврикука. - Я не паук и не дроздофила. Я побыл ими. И хватит. Чего я пугаюсь?" А уже и не пугался. Уже тот, испытанный им в Доме Привидений Ужас

охватывал его. И воображалось невообразимое - как нечто злорадное, несокрушимое разрастается, разливается повсюду, извергая холодный ядовитый огонь и запахи праха. А вокруг уже кричали: "Земля трясется!" - "Это в метро, в туннелях, взрывы и сдвиги!" - "Помпеи и Геркуланум!" - "Свету конец!" - "Сумку верните! Отдайте сумку!" - "Газ! Газ пустили!" - "Слезоточивый!" - "Нервно-паралитический!"...

Под руку кто-то выводил Шеврикуку дверным проемом нижних палат во двор, на воздух. "Пэрст! Капсула! Это ты?" - смог пробормотать Шеврикука. "Все в порядке. Все будет в порядке", - услышал в ответ. Обернулся. Пэрста-Капсулы рядом не было. Люди, растерзанные не менее чем Шеврикука, шалевшие, выбирались в свежесть московского утра.

Командир расчета минометчиков, уже бодрый, поинтересовался: - Ну все, что ли? И пошел производить - в честь окончания церемонии - орудийный салют.

(продолжение предполагается)

Из цикла «Школьная антология»

Т. Зими́на

**Т. Зими́на; прелестное дитя.
Мать - инженер, а батюшка - учетчик.
Я, впрочем, их не видел никогда.**

**Была невпечатлительна. Хотя
на ней женился пограничный летчик.
Но это было после. А беда
с ней раньше приключилась. У нее
был родственник. Какой-то из райкома.
С машиною. А предки жили врозь.
У них там было, видимо, свое.**

**Машина - это было незнакомо.
Ну, с этого там все и началось.
Она переживала, но потом
дела пошли как будто на поправку.
Вдали маячил сумрачный грузин,
Но вдруг он угодил в казенный дом.
Она же - отдала себя прилавку
в большой галантерейный магазин.
Белье, одеколоны, полотно**

- ей нравилась вся эта атмосфера,
секреты и поклонники подруг.
Прохожие таращатся в окно.
Вдали - Дом Офицеров. Офицеры,
как птицы, с массой пуговиц, вокруг.

Тот летчик, возвратившись из небес,
приветствовал ее за миловидность.
Он сделал из шампанского салют.
Замужество. Однако в ВВС
ужасно уважается невинность,
возводится в какой-то абсолют.
И этот род схоластики виной
тому, что она чуть не утопилась.
Нашла уж мост, но грянула зима.
Канал покрылся коркой ледяной.
И вновь она к прилавку торопилась.

Ресницы опушила бахрома.
На пепельные волосы струит
сияние неоновая люстра.
Весна - и у распахнутых дверей
поток из покупателей бурлит.

Она стоит, и в сумрачное русло
глядит из-за белья, как Лорелей.

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананиашвили

Цитата номера:

**Самая
мучительная
борьба — с
самим собой,
так как силы
обычно равны.**

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 35

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 100 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) бесплатно предоставляется на почтовом сайте www.mailru.com и далее по адресу eugenelev@fromru.com (пароль — academia).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога